

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

ДВЕ ЖИЗНИ
КОМЭСКА СЕМЕНОВА

Шпионы и все остальные (АСТ)

Данил Корецкий

Две жизни комэска Семенова

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корецкий Д. А.

Две жизни комэска Семенова / Д. А. Корецкий — «АСТ»,
2018 — (Шпионы и все остальные (АСТ))

ISBN 978-5-17-090298-9

Эскадрон «Беспощадный», продираясь сквозь кровь и смерть гражданской войны, ведет жестокую борьбу с контрреволюцией. В открытых сражениях с белой гвардией, в борьбе с изменившими революционной идее красными, с мародерами и другими врагами всех мастей проходит жизнь командира эскадрона Семенова, считающего, что правда для всех одна и справедливость должна быть понятна всем. Он не делает различий между своими и чужими, приказывая расстрелять брата, попавшегося на краже мешка муки, а его комиссар зарубил в бою собственного отца. Все это свершается ради революционных идеалов и Светлого Будущего, которое когда-то воцарится на земле... Но волею случая и благодаря достижениям науки, повешенный врагами Семенов переносится в наши дни и окунается в то самое Светлое Будущее, за которое сражался. Но понравится ли оно ему? И сохранит ли он свои принципы и убеждения? В авторской редакции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090298-9

© Корецкий Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Данил Аркадьевич Корецкий

Две жизни комэска Семенова

© Корецкий Д.А., 2018

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

Первая жизнь комэска Семенова

Глава 1

Эскадрон «Беспощадный»

Июнь 1919 года

День был хороший: тепло, но не жарко, желтое солнце холодновато просвечивало сквозь облака, как золотая десятка – символ свергнутого царского режима. Дул легкий, наполненный духом разнотравья, степной ветерок, взволнованные выстрелами вороны поднялись из недалекой лесополосы и с тревожными криками, отчаянно хлопая крыльями, кружили в небе. Осторожная птица, недаром, по слухам, триста лет живет! А все потому, что подальше от людей держится, особенно если у них в руках ружье или даже палка... В последнее время развелось этих черных падальщиков немерено – наверное потому, что корма стало в избытке. Вот и сейчас, предвкушая поживу, не улетают прочь, кружат над полем, рассматривая глазами-бусинками то, что происходит внизу. А там идет лютый и жестокий бой – красный эскадрон «Беспощадный» схватился с конниками генерала Шкуро.

Сшибаются шашки, летят искры, пахнет лошадиным потом, порохом, кровью, страхом, смертью. Командир эскадрона Семенов, как всегда, мчался впереди и, срывая горло, орал «Ура-а-а!» Не потому, что хотел, или так положено – оно само рвалось из глубины организма, из самого нутра, то ли для того, чтобы испугать противника, то ли – чтобы почувствовать свою силу и утихомирить поднимающийся в душе страх. Сзади и впереди трещали выстрелы, над головой, справа и слева свистели пули своих и врагов, он инстинктивно втягивал голову в плечи, понимая, что это не поможет и можно надеяться только на судьбу.

Когда две конные лавы сблизились, он навел прыгающую мушку на скачущего навстречу краснолицего штаб-ротмистра, пальнул наудачу – раз, другой, третий... Удача оказалась на его стороне: несмотря на рваный ритм скачки двух коней, она соединила прямой линией ствол маузера с грудью штаб-ротмистра – после третьего выстрела тот послушно опрокинулся на спину, слетел с седла, зацепившись ногой за стремя, и понесся дальше, спиной вспахивая, словно плуг, мягкую, уставшую от крови и истосковавшуюся по семенам землю. Семенов перевел огонь на ординарца, прикрывающего командира с наиболее уязвимой левой стороны, куда трудно доставать шашкой. Рядового удалось свалить четвертым выстрелом, тот упал правильно, если считать правильным то, что он ни за что не зацепился, был перемолот подкованными копытами и, расплюснутый, остался позади, нарушив строй и вызвав сумятицу среди соратников, лошади которых ржали, поднимались на дыбы, шарахались в стороны и падали, что давало преимущество налетающему противнику.

Семенов сунул маузер в деревянную кобуру с табличкой «Товарищу Семенову за храбрость и беспощадность к контрреволюции от Реввоенсовета»: стрелять во время рубки не приходится – круговорот рукопашной перемешивает всех так, что можно перебить своих. Поэтому надежда только на верный клинок. Комэск привстал на стремях и крикнул во весь голос:

– Ша-а-а-шки во-о-он! – с лязгом выдергивая свою из ножен.

И началось! Конный бой это не фехтование с кружевными узорами, вышиваемыми изящными клинками шпаг или тонкими иглами рапир, с обманными финтами, обводами и ложными выпадами; и даже не пешая сабельная дуэль с каскадом крестообразных ударов, которыми обмениваются поднаторевшие в таких делах польские паны – их сабли приспособлены

для этого дела, так как имеют перекрестье. У казачьих шашек – что донских, что кубанских, что терских, – гарды нет. Это дает возможность свободно крутить их вокруг кисти и перебрасывать из руки в руку, но делает фехтование невозможным: скользнет клинок по клинку – и посыпались пальцы...

Нет, кавалерийский бой – не каскад отточенных хитрых приемов, перенятых от итальянских бретеров и французских дуэлянтов, это грубая, прямолинейная и стремительная рубка! Налетел, рубанул, понесся дальше, налетел, рубанул, увернулся от бокового удара, противник вылетел навстречу и рубанул тебя... Успел закрыться – со звоном сшиблись клинки, поскакал дальше, рубанул следующего; не успел – упал с разрубленной головой или отсеченной рукой... Кто-то налетел сзади, если некому прикрыть – на этом твой бой закончился, если товарищ подмогнул – продолжаешь жить и отнимать жизни у врагов...

Комэск мчится вперед, за ним ординарец и трое бойцов из личной охраны прикрывают спину. Кругом крики, ржание, лязг стали, редкие выстрелы. Боевой клин разрезает ряды противника. Навстречу, с перекошенным яростью и страхом лицом, несется молодой корнет, он наметил целью Семенова, и уже заносит злое отблескивающий клинок, приподнимается на стременах, а комэск не успевает поднять свой! Только и осталось, что вытянуть руку вперед – корнет сам налетел на острие и был проткнут насквозь. Семенов с трудом успел выдернуть шашку: еще миг и он бы остался безоружным. Некстати вспомнилось, что при колющих ударах восемь человек из десяти погибают, а при рубленых – восемь из десяти выздоравливают...

Семенов несется сквозь вражеские ряды, картина боя, как калейдоскоп: деталей не рассмотреть, только общие планы. Он отрубил руку одному беляку, разрубил плечо другому. Сам словно заговоренный: как всегда пули и клинки не причиняют ему вреда. Размахивая окровавленной шашкой, он мечется по полю боя и оказывается там, где намечается перевес белых: его появление укрепляет дух своих и внушает страх врагам.

Постепенно наметился перевес красных, но они не ослабляли натиска и враг дрогнул, побежал. Комэск догнал и зарубил еще одного, осмотрелся, оценивая обстановку. На плечах отступающего противника эскадрон ворвался в село.

За сельским овином семеновские конники, не пригибаясь и не торопясь, с некоторым бахвальством добивали убегающих белых, и Семенов сходу, спружинив на стременах, кинул коня вправо – туда, где был сейчас нужнее. Взметнулись из-под копыт комя утрамбованной земли, Чалый легко, в охотку, перемахнул через плетень и пошел чеканным галопом в сторону крепенького бревенчатого дома, из окон которого отчаянно отстреливались наиболее упорные беляки. Услышал по поредевшему перестуку за спиной: не все за ним последовали, не все метнулись под белогвардейские винтовки. Часть конников задержалась у овина – там, где безопасно. Когда удалось разминуться со смертью, хочется передохнуть, отдышаться... Это понятно, но бой ведь еще не окончен!

«Надо будет, – подумал, – вычислить хитрожопых. Отругать перед строем, а то и наказать в воспитательных целях... Я же никогда не перевожу дух...»

Это верно. Останься он даже один, комэск Семенов и не подумал бы придержать, пустить Чалого в обход стреляющего дома. Он знал – кожей чувствовал и нутром: пока не покидает его боевой кураж, пока ныряет в самое пекло – смерти он не по зубам. Удача с ним и служит беспрекословно, как мать его когда-то служила старому барину.

Он пригнулся к холке Чалого, вдыхая окатившую его волну теплого конского пота – пьянящий запах, навсегда отныне связанный с горячкой боя. Несколько пуль просвистело совсем близко, за спиной рухнул и захрипел подстреленный конь, послышались крики придавленного красноармейца. Забор перед домом сгорел задолго до боя, торчали черные головешки вместо столбов: гражданская накатывала на Сосновку не в первый раз.

Семенов подлетел к дальнему углу. Его заметили – худощавый рядовой, по пояс высушившись из окна, навел винтовку... Осадив Чалого, комэск спрыгнул, скользнул за пузатую

дубовую бочку, чтобы опередить выстрел... Он чувствовал, что не успевает, но беляк вдруг надсадно крикнул и, уронив винтовку, повис на подоконнике. Будто соревнуясь с командиром в бесшабашности, застреливший белогвардейца всадник влетел напрямик на крыльцо и, оглушительно гикнув, выпрыгнул из седла. Молодой конь неловко топтался передними копытами по мешкам с землей – бруствером брошенной огневой позиции.

«Никитченко», – узнал спешившегося бойца Семенов. – «Мирон, кажется. Хороший боец. Растёт на глазах...»

– Сочтёмся! – крикнул ему Семенов.

Никитченко уже палил в распахнутую дверь. Конь его, не понимая, что делать дальше, ржал и храпел, но от крыльца не отходил. Комэск стащил вниз труп белогвардейца, вынул маузер из кобуры и, подтянувшись на руках, влез в окно. Как и надеялся, на пулю не нарвался. Впрочем, кроме надежды, имелся у него и простой расчёт: если бы в комнате был ещё кто-то, он бы сменил убитого стрелка. Кровать с резными спинками. Два сундука один на другом. Хозяйство – с первого взгляда понятно, зажиточное, кулацкое. По-над стенкой в два шага добрался до открытой двери, осторожно выглянул в соседнюю комнату.

У приставленного к окну стола рядовой в полевом кителе, сгорбившись, возился с «Максимом». Крышка откинута, он нервно дергает заправленную брезентовую ленту с блестящими остроконечными патронами.

– Неужто заклинило? – хмыкнул Семенов, радуясь, что вовремя успел: «Максим» с полной лентой мог здорово проредить эскадрон!

Пулеметчик вскинул голову – понимая уже, что не успевает схватить лежащую рядом винтовку и бледнея последней, предсмертной белизмой. Он все-таки попытался, но пуля из маузера опрокинула его на чисто выскобленный деревянный пол.

За стенкой стрелял Никитченко. Семенов вышел в коридор.

– Как у тебя?

– Всё путём, Иван Мокич! – оскалился в улыбке Мирон, загоня новую обойму. Два вражеских трупа подтверждали его слова. В дом уже врывались красноармейцы, гремели сапоги по крепким доскам.

– Взводного окружили! – донеслось снаружи. – Окружили первого взводного на околице!

По интонациям кричавшего, легко улавливаемым ухом любого, кто успел повоевать, Семенов понял: весть передаваясь от одного к другому, прилетела издалека. И если окружение серьёзное, комвзвода один, его родного брата Сидора Мокича может уже не быть в живых. Сердце ёкнуло, впервые за долгое время. Кровь-то родная и впрямь не водица. Испугался за брата.

«Неужели тут, в никому не известной Сосновке, суждено потерять Сидора?!»

– Двоим остаться в доме, наладить пулемет, остальные по коням! За мной! – сломя голову Семенов выскочил во двор. Чалый, как и положено матёрому боевому коню, дожидался хозяина там, где его оставили.

«Моя вина, – думал Семенов, пуская Чалого в галоп по сельской улице туда, где еще гремели выстрелы. – В хате бы и один Мирон справился, а мне надо было одним кулаком добивать белую сволочь! А то наши развалились, а те, видно, переформировались и ударили в ответ...»

Они вылетели за околицу. Правый фланг и впрямь «отвалился»: с полверсты между основными силами и напоровшимся на засаду первым взводом. Белые перешли в контратаку, зажали первый взвод у перелеска в кольцо, те с трудом отмахивались... Плохо дело!

«Численность приличная, с два десятка», – оценил комэск и оглянулся: с ним семеро и ещё двое скачут от овина. Маловато. Выхватил шашку, помахал над головой, давая сигнал к атаке. Ничего, ребята увидят – бросятся на помощь!

Кони по пахоте скакали тяжело, пришлось пришпорить Чалого.

– Давай, ещё немного!

Чалый от напряжения всхрапнул, но прибавил ходу.

Белые заметили приближающихся всадников, некоторые развернулись, принялись отстреливаться. Винтовочные пули прошли воздух где-то совсем рядом. Но Семенов уже врезался в противника, разрывая смертельное кольцо. Мелькнули позолоченные с синей полосой погоны. Поручик целился из никелированного пистолета. «Браунинг» – привычно определил мозг, хотя это не имело значения. Имело значение то, что шашка отрубила руку до выстрела, и пистолет отлетел в сторону, а поручик с криком упал на землю. Сидор со своим ординарцем с трудом отбивался от врагов – подмога подоспела вовремя! Семенов направил Чалого между двумя белогвардейцами, наседавшими на брата, махнул шашкой вправо, махнул влево. Готовы оба! Но один успел выстрелить, и Сидор упал на холку коня. Конники «Беспощадного» даром что в меньшинстве, яростно рубили с плеча, высоко занося клинки. Белые дрогнули и обратились в бегство, Семенов со своими бойцами помчался следом, добивая отстающих, первый взвод, вырвавшись из кольца, помчался наперерез. Вскоре все было кончено. «Беспощадные» собрались к последнему очагу затухающего боя. Семенов поскакал назад. Комвзвода-один среди всадников не было, кто-то показал на перелесок – и комэск поскакал туда. Сидор, по пояс голый и окровавленный, сидел на земле, прислонившись к дереву. Ординарец перевязывал ему простреленное плечо.

– Живой, что ль, братуха? – окликнул Иван.

– Да живой, – услышал в ответ сдавленный голос брата. – Раненый немного...

– Ну, раненый – не дохлый! – и Семенов развернул коня.

* * *

Еще не успели остыть стволы винтовок, как уже подвели итоги.

– Наших убито семеро, – доложил комиссар. – У них – человек двадцать пять... Посчитают – точно скажу...

– Значит, учимся воевать понемногу, – довольно кивнул комэск. Владевшее им напряжение постепенно отпускало. Стоя на крыльце дома, в котором назначил себе постой – того самого, что брал штурмом, – Семенов выслушивал доклады подчиненных. В плен взяли шестнадцать человек рядового состава, из них десять раненых разной тяжести, одного поручика и медика. Медик тоже был ранен – рубануло плечо не до кости.

– Какой охламон врача повредил?! – ворчал комэск, – Сколько раз говорено – медицину не трогать!

– Да кто ж её разберёт, тую вашу медицину, – отозвался вдруг стоявший у сгоревшего забора кряжистый, немолодой красноармеец.

– Эх ты, тьма египетская! – комэск хлопнул себя по ноге так, что шашка дёрнулась и стукнула по балясине перил. – Недавно, что ли, в эскадроне?

– С Алексеевки мы.

Алексеевку брали на прошлой неделе, рекрутировали оттуда в «Беспощадный» только добровольцев, большой нужды в пополнении не было. Семенов смутно припоминал седоволосого новобранца – семья его, вроде бы, вся от тифа померла, жена и трое душ детей.

– Синий погон, красный кант, – сказал комэск. – Увидишь такого – старайся брать живьем, не порть шкурку. Запомнил, нет?

– Запомнил.

Выходивший из дома ординарец Семенова, Васька Лукин, тут же поправил:

– Не «запомнил», а «так точно», боец, привыкай давай!

– Так точно, – послушно повторил новобранец из Алексеевки.

– Вот так лучше! – пробасил Лукин.

Бас у ординарца знатный. Любого вгонит в дрожь. Пел Васька Лукин при старом режиме в церковном хоре в городе Козлов, в Боголюбском кафедральном соборе. Так на похороны-крестины из соседних церквей, бывало, послов засылали: не пожалует ли Василий Никифорович на нашем клиросе спеть?

– Много коней убито? – спросил Семенов.

– Пять, – осклабился Лукин. – Да шесть у белых отбили. Баш на баш, да еще с прибытком!

– Пусть свежуют, шулюм готовят, да надо и местных накормить!

– И местных? За что их кормить? По погребам попрятались, как тараканы! – недовольно сказал бывший певчий, но под жестким взглядом командира кивнул. – Конечно! Все сделаем как положено!

Пленного медика перевязали и отправили в подмогу эскадронным эскулапам, латать красноармейцев. Раненых в эскадроне оказалось немного – четверо лёгких, трое тяжёлых, так что и санчасть решили не устраивать. Тяжелораненых Семенов велел расположить с собой в одном доме. У Сидора ранение было средней тяжести, но брату комэск поблажки не сделал – отправил в соседнюю избу – с легкоранеными.

Хозяин дома Фома Тимофеевич, мужик нестарый и силы, по всему видать, недюжинной, встречал новую власть с улыбкой и поклоном, но с пустыми руками. Объявился одним из первых – вылез из погреба, ещё и выстрелы не стихли. Самый крепкий хозяин в Сосновке, он понимал, что за одно только это Советы могут его к стенке прислонить – а тут ещё белые из его дома опорный пункт устроили, с пулеметом...

– Просили их, уходите с миром, – раскидывал Фома Тимофеевич огромные свои ручищи и качал мохнатой головой. – Так нет. Живность ограбили всю как есть за веру и отечество, да обозом в тыл себе угнали. Всё прибрали подчистую!

В селе и впрямь стояла та неуютная напряжённая тишина, которая случается, когда в нём пустеют коровники и курятники. В нескольких дворах водились собаки, но и те вели себя смирно, поджимали хвосты и прятались по углам – догадывались, что гавкать при нынешних обстоятельствах себе дороже. И правда, когда конины не было, варили и собачатину – голод не тетка...

– Всё не всё, а покормить рабоче-крестьянскую Красную армию придется! – вмешался Василий Лукин, строгий и официальный. Он как всегда везде успевал – какой-то талант ординарца был у бывшего церковного баса.

Фома Тимофеевич помял шапку, прищурился в улыбке.

– Так-таки всю армию? – решил пошутить мужик. Значит, преувеличивает свою бедность.

– На семь душ накроешь! – не принимая шуток, отрезал Лукин. – Час времени тебе. Обедать пора!

– На семь-то душ это мы потянем, – кивнул хозяин и надел шапку. – Только разносолами не побалуем, не обессудьте. Белые...

– Э-э-э, мил человек, – оборвал его Лукин. – Знаем мы вашего брата. «Ни крошки не осталось...» А в погреб к вам сунься, так там ломаются закрома!

– Обижаешь!

Начиналось то, чего Семенов не любил и чего сторонился: похожий на вымогательство торг с местными, от исхода которого напрямую зависело – что окажется на столах у освободителей. Поэтому он спустился по скрипучим ступенькам с крыльца, прошёлся по двору, остановился в калитке, выглядывая на улицу.

– К ужину будет конина, – слышал он за спиной увещающий басок ординарца, который умело использовал политику кнута и пряника. – И на твою долю хватит, и сельчан накормим...

– Благодарствуйте, – с показным смирением отвечал Фома Тимофеевич.

– Ну, а пока нам пожрать надо, – гнул свое ординарец. – Потому тебя и просим...

Обещаний Семенов тоже не любил. Часто они не исполняются: или возможности нет, или обстановка изменилась и о них забыли... А осадок остается скверный: Красная армия обманула!

– Коней прикажи расседлать и покормить! – обернувшись, крикнул он ординарцу.

– Так точно! Уже сделано!

К воротам подскакал командир второго взвода. Его очередь была выставлять охранение.

– Какие указания, командир?

– Да всё как обычно, – махнул рукой комэск. – Сам разберись, Демьян Иванович. Главное, охвати весь периметр, да выставь тачанку в сторону беляков. Мало ли, вдруг ночью сунутся...

Демьян молча козырнул и пустил уставшего коня неспешным шагом в сторону своего взвода, располагавшегося пешим строем на центральной улице.

Выйдя на дорогу, огибавшую Сосновку с юга, Семенов обернулся и разглядел село. С виду не бедное, жили лучше Алексеевки. Дома побогаче, с резными крашеными ставнями, обнесены аккуратными заборами. Бедняцкие хибары, раскиданные тут и там, видно сразу: почерневшие, часто с покосившимися стенами, подпёртыми наискось врытыми брёвнами. В бедность на Руси если уж встрял, то – от отца к сыну, по наследству, навсегда. Так было. Больше так не будет. Иван Семенов верил в это свято. За это же и воевал, за Светлое Будущее.

Многое понял про себя с тех пор, как примкнул к революции. Вырос, конечно, да что там – перерос сам себя на две головы. Кто он был? Крестьянин-лапотник, учившийся читать по обрывкам «Модного курьера», который выписывала барыня. Старые журналы переправлялись в людской сортир, и Ваня, когда случалось бывать на барском дворе, непременно туда захаживал и выносил журналы за пазухой. Однажды был пойман и бит управляющим. Но по дамским этим журнальчикам прилично выучился читать, и когда на ярмарке в соседнем селе ему попала «Искра», читал её уверенно и складно. А, прочитав, понял, что всё там написанное – написано, высказано от его имени. Как будто он поделился с кем-то всем, что довелось подумать и понять – а этот кто-то записал его мысли правильными учёными словами.

Комэск Семенов всегда, с юных лет, полных обид и монотонного, не приносящего достатка труда, хотел справедливости. Общей, как небо и земля. Такой справедливости, которую не придётся выпрашивать, как выпрашивали деревенские у земского судьи, робко поглядывая снизу вверх, стараясь прежде всего разжалобить, умиловить смиренным своим видом. Душа его жаждала справедливости твёрдой и окончательной, свершаемой не за страх, а за совесть. А для этого нужно было прежде всего известить тех, кто к такой справедливости был неспособен ввиду своей многовековой классовой развращённости – дворян, помещиков и примазавшихся к ним попов. План был прост и честен – сломить белую контру, расчистить путь новому человеку, который выйдет из рабочих и крестьян, выросших над собой, как вырос Иван Семенов, комэск «Беспощадного», вчерашний помощник конюха на барской конюшне. А если вдруг пуля-дура – что ж, на этом пути и погибнуть почётно. Всё не так, как сгинул когда-то дед Матвей: надорвался на мельнице, прохаркал кровью до вечера, лёг спать на прелой соломе и не проснулся. К обеду следующего дня уже и схоронили. Был человек – и нет человека. Только мельник Захар – красномордый мироед, посетовал, что внук покойного малоросток ещё, мешки таскать не сдюжит.

«А выкуси», – мысленно отвечал комэск мельнику Захару. Раскулачил бы его собственноручно с превеликим удовольствием. Но того наверняка уже раскулачили: в родной деревне советская власть укрепились с прошлой весны.

Семенов успел дойти до окраины Сосновки. Оглянулся, ещё раз оглядел село. Над домами повисли ленточки дыма: растапливались печи, хозяйки готовили красноармейцам немудреную еду. Останутся здесь дня на два. Интересно, как пройдёт эскадрон испытание зажиточной Сосновкой. Живность белые, похоже, и вправду увели и увезли, но по чердакам и подполам наверняка что-нибудь да припрятано. Выйди приказ командования реквизировать,

скажем, провиант или фураж, или другие материальные ценности в пользу революции – это одно. Прошлись бы по закромам и тайникам, вытрясли бы подчистую. А без приказа, из шкурных соображений – дело совсем другое. Расстрельное. Мародёров Семенов в «Беспощадном» расстреливал. Тех, кто насиловал баб и портил девок, комэск расстреливал собственноручно или отдавал в руки родственникам пострадавших. В последнее время мародёрство прекратилось. В мае расстреляли одного – тот сорвался по пьяни, позарился на карманные часы машиниста на железнодорожном перегоне, где эскадрон поил лошадей. Там же, за кучей угля, и расстреляли. Семенов тогда огорчился очень, с тяжёлым сердцем отдавал приказ, боец был ценный: от пулеметов не отворачивал, да и голову беляку мог срубить начисто одним ударом. Однако, дисциплина едина для всех. Зато именно после этого расстрела мародёрство в эскадроне прекратилось. Но с тех пор личный состав «Беспощадного» обновился едва ли не на четверть. Новые люди, как заразу, наверняка принесли с собой и лапотное, несознательное отношение к званию красноармейца.

– Товарищ командир!

Лукин махал ему руками с перекрёстка.

– Пожалуйста обедать!

Комэск махнул в ответ – иду, мол. Усмехнулся: Васька Лукин, который недавно объяснял бойцу, как правильно отвечать вышестоящему по званию, и сам только что дал петуха. «Пожалуйста обедать!» Ещё бы «ваше благородие» добавил... Не до конца оформился Лукин, даёт о себе знать церковное прошлое...

* * *

Стол поставили на самую середину комнаты, рядом с тем местом, где Семенов застрелил зазевавшегося пулемётчика. Комэск заметил кучку песка под столом: присыпали кровь... Стоявшие на столе кружки и стаканы предвещали к обеду спиртное. Добыл-таки Васька.

Обедали с Семеновым, как было заведено в эскадроне – комиссар Евгений Буцанов и командиры взводов. Но взводных за столом на одного меньше, чем обычно – не видно комвзвода-четыре Сашки Картёжника. Семенов на ходу перекинулся взглядом с комиссаром.

– Убит, – кивнул комиссар.

У Сидора в расстёгнутый ворот кителя виден бинт. Выглядит неважно.

– Куда ранен?

– Да под ключицу, мать его так, – отозвался Сидор.

Комэск сел на лавку, рядом с братом.

– Кость целая?

– Да вроде не хрустит ничего. Лекари наши осмотрели, говорят, не затронута.

– Навылет?

– Ну да.

– Может, в тыл? – предложил комиссар. – Подлечиться?

Сидор не ответил. Вытащил деревянную ложку из кармана гимнастёрки, тихонько постукал ручкой по столу, демонстрируя всем своим довольно хмурым видом, что отвечать на эту глупость не собирается.

– Посмотрим, как ночь пройдёт, – ответил за Сидора комэск и тут же поднял в его сторону руку: командиру не прекословь!

В который раз ему приходилось сглаживать шероховатости в отношениях между братом и комиссаром. То братец заносился перед молодым да скорым Буцановым, злоупотребляя семейным, так сказать, положением. То комиссар перегибал, подначивая комвзвода – как сейчас. Знал ведь, что для Сидора, на командную должность назначенного совсем недавно, не может быть ничего хуже, как оказаться отлучённым по каким бы то ни было причинам от командова-

ния. Начинай потом всё заново: ставить себя перед личным составом, завоевывать авторитет. К тому же найдутся злые языки, скажут: в окружение завёл, чудом отбились, а сам в тыл!

Запах варёной картошки нахлынул издалека, заполнил помещение. Командиры взводов и комэск повытаскивали свои ложки из-за голенищ и из карманов кителей. Один Буцанов взял ложку из тех, что горкой были сложены на столе. Сидор скользнул по нему насмешливым взглядом: сам умничает, а от инфекции не бережётся, хватает хозяйские ложки, которыми неизвестно кто перед этим ел.

В комнату вошла баба с дымящимся чугуном, в щедро залатанном, так что сложно было определить изначальную расцветку, переднике. Затараторила:

– Просим отведать. Картошечка рассыпчатая, с лучком. Всё, что сами едим. Не обессудьте.

Со стороны кухни прилетел басок ординарца:

– Бутыль неси.

Пришла молодая краснощёкая девка, судя по опрятной одежде, хозяйская дочка. Сидевшие за столом притихли: девка была хороша. Поставила четвертную бутылку с войлочной затычкой, под горлышко заполненную мутной беловатой жидкостью, рядом выложила полбуханки чёрного хлеба. Картошка, хлеб и самогон – вот и весь обед в небедной на вид Сосновке.

– Угощайтесь, – проямлила молодуха, не поднимая глаз.

Женщины ушли. Командир второго взвода принялся разливать.

Стоя выпили за павших товарищей – сначала отдельно за комвзвода, потом, закусив недолгим молчанием, за убитых бойцов. Расселись, принялись вылавливать картошку из чугуна.

– Потери, конечно, горькие, но могло быть хуже, – сказал Семенов. – Хорошо сегодня повоевали.

Ели без тарелок, держа ложки на весу, подставляя под них ладони ковшиком. С картошкой под чёрный хлеб управились быстро. Самогона хлебнули ещё по одной, за победу, но бутылку допивать не стали.

– Кого в четвёртый взвод поставить, как думаешь, комиссар? – поинтересовался Семенов.

Собственный кандидат на эту должность у него был – Мишка Трофимов из первого взвода, мужичок невзрачный и щуплый, но удивительно хладнокровный. Но, чтобы не обвинили в недооценке роли партийного руководства, комэск всегда старался потрафить комиссару: спросить совета, дать лишний раз выступить перед строем... Хотя в серьезных вопросах решающее слово было всегда за ним.

Сидор, конечно, не обрадуется, если у него забрать такого толкового бойца...

– Два варианта, – охотно отозвался Буцанов. Видно было, заранее обдумал разговор. – Либо свой же, Мильчин, он во взводе давно – кажется, с самого начала... Либо в первом взводе есть такой, худой, невысокий. Забыл, как зовут. Он ещё однажды языка выкрал из бани.

– Трофимов Михаил.

– Да. Он.

– Ну, начинается, – тут же откликнулся Сидор. – Лучшего бойца...

– Вы бы, товарищ Семенов, не проявляли тут несознательность и шкурный интерес, – осадил его, вроде полушутейно, старший брат. – Нужно общую пользу блюсти. Общественное выше личного!

И последняя фраза подчеркнула, что он вовсе не шутит.

– Спасибо, товарищ Семенов, что напомнили, – в тон ему ответил комвзвода-один. – Исправлюсь.

– Да уж пожалуйста. Исправляйтесь.

Комэск помолчал для приличия, делая вид, что обдумывает слова комиссара, хотя раздумывать ему было не о чем. Он предпочитал не ставить на место убитых командиров людей из

того же подразделения, чтобы избежать влияния устоявшихся внутри коллектива связей. Был, допустим, какой-нибудь конфликт между бойцами – и тут один из них назначается командовать. Ситуация, чреватая несправедливостью: у вновь испечённого командира будет соблазн своего сослуживца притеснять, а то и рисковать им без необходимости.

– Думаю, лучше Трофимов, – подытожил комэск, и крикнул вглубь дома ординарцу:

– Лукин, готовь приказ о назначении Михаила Трофимова командиром четвёртого взвода!

Лукин вошёл тут же, важно неся перед собой бумагу со звездой в левом верхнем углу и неряшливым, с прыгающим от раздолбанной машинки, текстом. Готовый приказ, отпечатал заранее. Сидевшие за столом командиры дружно расхохотались. Шутка удалась, фронтовой юмор незатейлив. Только Буцанов не смеялся, наоборот – свел брови. Ему шутка не понравилась. Зачем он распинается, если и без него все решили?

– Вот ведь ушлый ты, Василий, – выдавил сквозь смех Семенов. – Как есть, ушлый.

А уже через несколько минут комэск, выйдя во двор покурить с командирами взводов, велел им распорядиться снести своих убитых на сельское кладбище и похоронить. Ночь скоро, могилы труднее рыть в темноте.

Предстояла ещё одна фронтовая работка – не из приятных, но нужная.

– Что, комиссар, идём допрашивать контриков?

– Идём, Иван Мокич.

И они отправились в сторону церкви, в которой разместили пленных белогвардейцев.

– Почему там? – спросил Семенов.

– А почему нет? – пожал плечами комиссар. – Двери были открыты, попались на глаза, ну я и приказал.

Прошли немного, он добавил как будто нехотя:

– Поп там был. Ну, они к нему – исповедуйте, то-сё. Отправил попа домой.

– Это правильно.

– Что с ними думаешь делать? У нас некомплект...

– Да поглядим. К себе этих, если кто сам не попросится, не хочу.

Помолчали ещё немного.

– Но правильней было бы собрать их в другом каком-нибудь месте.

– Ну, – как-то неопределённо ответил комиссар Буцанов, хотя было понятно: мысль Семенова он уловил.

У церкви их встретил кряжистый мужик с сабельным шрамом через правую щеку. Это был Федор Коломиец – командир комендантского отделения, которого прозвали «Ангел смерти». Он со своими людьми обходил поле боя и достреливал ещё живых, конвоировал пленных, да и приговоры трибунала на нем... Впрочем, в бою он был смелый до отчаянности, если бы Семенову надо было прикрыть спину, он бы не задумываясь позвал Коломийца. Да он и так входил в его личную охрану.

– У нас все тихо. Молятся, – изуродованное лицо тридцатилетнего красноармейца, как обычно, ничего не выражало, только взгляд черных глаз обжигал и даже прожигал насквозь. Семенов поежился. Под этим звероватым взглядом ему становилось неуютно, как будто Федор видел что-то запредельное и очень страшное. Впрочем, так оно и было...

В руке «Ангел смерти» привычно держал наган и, доложившись, поднял стволом то и дело сползающую на лоб, чуть великоватую кубанку с красной лентой наискосок.

– Ладно, смотри, чтоб не убежали.

– У моих не убегут, – Коломиец гордо кивнул на мрачных бойцов, неподвижно стоящих вокруг церкви с винтовками в положении «к ноге». Он лично отбирал «ангелы» по известным ему одному признакам. Но они никогда не подводили, это верно.

Семенов вошел в гулкое помещение под высоким куполом, сквозь пробоину в котором проглядывало синее небо. Буцанов шел на шаг сзади.

Пленные действительно молились. Кто-то стоял перед алтарём, двое тяжелораненых лежали вдоль стенки.

– Отставить разводить дурман! – крикнул Буцанов.

Голос его заглушил негромкий перелив голосов. Большинство белогвардейцев умолкло. Поручик закончил креститься, уже разглядывая вошедших. Лица не столько испуганные, сколько уставшие, отметил Семенов и скомандовал:

– Строиться в одну шеренгу!

Поручик машинально шагнул вперёд, задавая место построения – и вдруг как-то изменился в лице, смутился. Осознал, наверное, в эту секунду своё положение.

Белые встали в шеренгу. Семенов скользнул взглядом по раненым. Перевязанные. Много бинтов потрачено. Новые пришлют из полка неизвестно когда. А бинты белогвардейцев, по словам пленного медика, еще до боя по недоразумению уехали в тыл: откомандированный с обозом санитар прихватил все медикаменты с собой. Может так, может, врет. Ну, да ладно – перевязать-то надо, люди все-таки...

Допрашивали во дворе, выводя по одному. Конвой стоял вокруг с винтовками наизготовку. Допрошенного молодой боец отводил в сторонку, к старому дубу с раздвоенным стволом. «Ангеленку» было не больше двадцати трех, красивое чистое лицо и глубокие голубые глаза делали его действительно похожим на ангелочка без всякого двойного смысла. Семенов считал, что этому пареньку не надо бы заниматься тем, чем он занимается, но вмешиваться в дела Коломийца не хотел: слишком специфическая и тонкая у того работа, как бы не нарушить чего...

Допросы шли вяло. О противостоящих силах противника в эскадроне знали и так – и показания пленных не добавляли ничего нового. Пехотный полк, два десятка пулемётов, полевые пушки. Но с боеприпасами туго. В полку дизентерия, командир контужен и страдает бессонницей.

Поручик, совсем ещё молодой, с тонкой детской шеей, решил играть героя, но не знал – как. Отчаянно выпячивал грудь и задирал подбородок, но на вопросы всё-таки отвечал, поглядывая на стоявших поодаль, под дубом, рядовых.

– Сколько снарядов?

– Не знаю.

– Ну, ты лично, сколько ящиков видел?

– Нисколько. Они на телегах, рогожкой накрыты.

– А телег сколько?

– Пять.

Всех допрашивать Семенов не стал.

– Да ну их, – мотнул головой. – Только время тратить.

Потянул комиссара за локоть:

– Пойдём, товарищ Буцанов, найдём занятие полезней.

И они пошли к своим коням.

– Товарищ комэск, а этих, что ли, в расход? – крикнул Коломиец.

– Ну, а куда еще? – ответил Семенов и, вставив ногу в стремя, в одно движение уселся в седло. – Туда вон, к лесочку.

– Лопат всего две. Так и не разжились.

– Ничего, вороны да волки схоронят.

Они не успели далеко отъехать, как сзади треснул винтовочный залп, потом горохом рассыпались еще несколько револьверных выстрелов.

* * *

Ужин начался рано. Обед у красноармейцев был жидкий, и Семенов приказал не затягивать, конину не мариновать, как обычно для жарки, а сразу разделять и варить: не до гурманства – бойцам надо силы поддерживать. По селу разлился густой мясной дух. Несколько котлов выставили для местных и они, сперва робко, а потом посмелее, потянулись с тарелками да ложками. Повеселевшие собаки обгладывали и разгрызали кости.

Командование устроилось во дворе штабной избы, между двух обгоревших столбов забора. Сидора не было – поплохело ему, ушел отлеживаться. Развели костёр, Лукин жарил нанизанное на шашки мясо. Жареная конина жестковата по сравнению с вареной, но зато вкуснее. Впрочем, под самогон любая идет за милую душу.

Поодаль от красноармейского начальства, возле угла дома, в сгущающейся вечерней тени, собралось хозяйское семейство. Сам Фома Тимофеевич возился со сломанным ставнем, который заклинило от попавшей в петлю пули. Кроме старшей дочери у Фомы обнаружилась ещё одна, лет пятнадцати от роду и двое малых сыновей. Встали посмотреть, послушать. Лукин решил было прогнать, но Семенов остановил. Хотелось поговорить, высказаться. Пусть послушают большевистскую правду – с ними-то политграмотой никто не занимается. А он, тем временем, присмотрится к Фоме.

В хозяине дома Семенов усматривал ту самую породу мужичков, которым если удалось сколотить крепкое хозяйство, то дальше своего носа они не разглядят ни за что. За его подворьем хоть вымри всё, ничего для него не изменится. Какой уж тут новый мир, какая справедливость. Как ни расписывай ему взаимосвязь труда и капитала, как ни объясняй взгляд большевиков – упрётся что твой мерин, ни тпру, ни ну. Когда свой, от народа, проявлял такую чуждость революции, Иван Семенов огорчался. Было в этом что-то глубоко неправильное.

Где-то заиграла гармошка.

– Дело хорошее, – кивнул Семенов и тут же обернулся к командиру второго взвода. – Но ты, Митрич, чуть погодя посты самолично проверь-ка. Боюсь, как бы не расслабились твои орлы без меры.

– Есть, – козырнул комвзвода. – Проверю затемно. И под утро, как водится.

К костру подошёл Пётр Славкин – командир трофейного отделения. В одной руке у него были поношенные, но еще крепкие сапоги, в другой – френч из английского шевиота с пробойной в области сердца и тёмной кляксой вокруг. Продемонстрировал всё это добро комэску, распылив перед огнём костра.

– Вот. Наши говорят, командиру снеси.

Семенов оглядел свои сапоги. На правом надорвано голенище, подошва левого примотана телеграфной проволокой.

– Бери, командир! Буржуйской одежке сносу нет, во какое сукно! А у тебя куртка на ладан дышит, да и сапоги совсем разваливаются...

– Ну, не развалились же, – Семенов вздохнул и покачал головой. – В своем пока похожу. Отдай-ка лучше Федунову, тот вообще в лаптях и драном зипуне.

– А не жирно ему будет?! – возмутился Славкин. – Он в эскадроне с гулькин хрен!

– Отдай, отдай. Я, когда его призывал, говорил, что мы воюем за справедливость. Вот пусть ощутит, так сказать, прочувствует.

Славкин неодобрительно пожал плечами и ушёл, с явным сожалением разглядывая богатые трофеи. Было видно, что он с удовольствием оставил бы их себе.

– Да смотри ж мне, я завтра проверю! – крикнул вслед Семенов.

Подняли тост за скорейшую победу над контрреволюцией.

Подошёл Фома Тимофеевич. Семенов пригласил его к костру. Тот уселся на перевёрнутое корыто, но от мяса отказался: постный день.

– Чудак человек! – усмехнулся Семенов. – Забудь ты эти предрассудки. Новый мир строится. Скоро и попов не станет.

– Куды ж они денутся? – удивился Фома Тимофеевич.

– Сведём за ненадобностью, – развёл руками комэск. – Знаешь, что товарищ Ленин сказал? Религия – опиум для народа!

Мужик в ответ задрал густые брови, пригладил волосы на макушке.

– Эх оно как...

– А ты как думал? Всё, вышло их время. Сколько веков они разводили свои антимонии, пудрили народу мозги, несогласных на кострах сжигали... Хватит. Теперь всё будет по-честному. А всё, что тому мешает – уничтожим. Иначе никак. Тут, брат, мировой поворот.

– Я видел, и ваши лоб крестят...

– Есть еще несознательные, перед боем и после него крестятся, – кивнул Буцанов. – Но мы это искореняем...

– Диалектика! – блеснул мудреным словом Семенов, который окончил курсы красных командиров и исправно посещал все политзанятия. – Надо понимать законы общественного развития! Это тебе не ставень чинить.

– А и ставень починить уметь надо. Сломать-то легко, тут все мастера. Раз – и сломал. Со ставнем-то лучше, чем без него. Вон, всю избу изрешетили. А починять кому?

Сказал явно с намёком, со смыслом – дескать, вы-то пока только ломаете, неизвестно, как оно дальше устроится.

Но комэск не собирался увязать в этом мелкотравчатом мужицком мирке, он хотел вывалить Фоме свою, революционную, правду.

– Э-э-э, нет, товарищ мужик. Сломать тоже нужно уметь. Вот царскую власть сломали – думаешь, легко было? Ты же против кровопийцы не поднялся! Такие, как ты, веками выю гнули и гнули бы дальше. Чуть сытней, чем у других, чуть легче дышать – вот и славно, вот и хорошо! К тому же, ты кулак!

– Почему сразу кулак? Где мои богатства? – мужик обвел рукой пустой двор.

– А такой! У тебя, небось, корова была? Да еще не одна!

– Ну, две... Так у меня семья большая. И молока детям надо, и мяса...

– А почему у других не было? У бедноты!

– Так корова большого труда требует... С раннего утра – доить, выпасать, клещей снимать, лечить, если захворает...

– А беднота, по-твоему, работать не любит?

Фома собирался ответить, но промолчал. Обернулся на своих как бы ненароком – и замолчал.

– Ладно, может, ты и не кулак, а середняк, тогда другое дело, – смягчившись, сказал комэск. – Товарищ Ленин прямо определил курс советской власти: прочно опираться на бедноту, уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком! Чувешь разницу?

– Конечно, чую, – мрачно сказал Фома. И с хитрецей добавил:

– А что, Ленин это прямо тебе сказал?

– Прямо мне. Ну, и другим товарищам, которые его слушали...

– Во как?! – Фома явно удивился. – Это как же возможно?!

Буцанов похлопал его по плечу.

– Очень просто! Товарищ Семенов был делегатом Восьмого съезда РКПб! Он товарища Ленина и товарища Троцкого вот так, как тебя, видел! Может, даже, ручкался с ними!

Семенов покачал головой.

– Ручаться не ручкался, врать не буду – повода не было. Но вожди у нас народные, потому народной массы не чурались, в самую гущу делегатов выходили, говорили доверительно, на вопросы отвечали. Так что мог я до каждого рукой дотронуться! И они с трибуны про меня говорили...

Фома недоверчиво крикнул.

– Что, прям по фамилии называли?

– Ну, не по фамилии... У них в головах мысли о трудовом народе всей земли, о мировой революции – разве запомнят еще мою фамилию? По-другому говорили: дескать, на съезд прибыли товарищи прямо с фронтов гражданской войны, многие за героическую борьбу с контрреволюцией награждены орденами... А это как раз про меня!

– Так ты, Иван Мокич, выходит, не простой красный командир, – Фома с облегчением вздохнул. – Хорошо, что ты меня из кулаков исключил и в середняки перевел. И спасибо товарищу Ленину, что он на середняков зла не держит. Только выходит, если хорошие урожаи снять удастся, и я опять на ноги встану – коровку заведу, лошадок, то снова кулаком окажусь? Выходит, лучше так и ходить в бедняках?

Буцанов с досадой махнул рукой.

– Ну, что за темнота и политическая отсталость! Кто ж тебе мешает богатеть? Только из единоличников выходи: организуй товарищество по обработке земли, пусть все богатеют! И тебе еще спасибо скажут!

– Оно конечно, – Фома поскущел и прекратил разговор.

– Выпьем давайте, – предложил Семенов. – За всеобщее просвещение, политграмотность и приобщение к революции!

Фома опять отказался, а краскомы выпили, жадно закусили жесткой, пахнущей костром кониной.

– Ты не из староверов? – спросил комэск. – Почему не пьешь?

– А какой сейчас праздник? – ответил Фома вопросом на вопрос.

– А ты разве только по праздникам принимаешь?

– Конечно. В будни-то не до пьянки – работать надо. Да и вообще я самогонкой не увлекаюсь.

– Ну, ладно, твое дело... Только скажи, мил человек: вот вы нас испугались, в погреба попрятались, а мы все село кормим. Почему же вы Красную армию боитесь? Где ваша сознательность? Где классовое чутье?

Фома отвел взгляд в сторону.

– Красная армия – она же тоже разная бывает... Вот вы, вроде, хорошие: и не безобразите, и мирных людей кормите... А в Ореховке тоже красные, только там совсем другой коленкор... И баб сильничают, и мужиков стреляют, и грабят... Как нам разобраться – кто хороший, кто плохой? Вот всех и опасаемся!

Комэск и комиссар переглянулись. Три дня назад Ореховку занял третий эскадрон их полка.

– Откуда ты знаешь про Ореховку? – настороженно спросил Буцанов.

– Да вчера проезжали через нас ореховские на двух подводах. Они и рассказали, – нехотя ответил Фома. – Дома бросили, хозяйство, дочерей увозили от греха...

Семенов задумчиво посмотрел в огонь, потом махнул рукой.

– Мало ли что набрехать можно! Дай-ка я расскажу тебе, друг ситный, как я сам в революцию пришёл...

Комэск вздохнул. Он опьянел и, как всегда, потянуло на воспоминания, которые все присутствующие, кроме, конечно, Фомы, знали наизусть.

– Дед мой на мельнице надорвался. Мать с двумя сестренками и братом самым младшим холера унесла. Отца каратели застрелили во время голода. Мужики перед барским домом

собрались, пошумели... А барин наш, Дмитрий Карлович, управляющего своего на телеграф отправил, тот вызвал войска. Прискакали казачки, царские люди. Долго не разговаривали. Прицелились, паф-паф, пятеро убитых. В их числе наш с Сидором батя. Сидор – брательник мой, он сейчас раненый белогладами лежит...

Фома сочувственно крякнул и покрутил головой.

– А в восемнадцатом, как только докатилось до нас, я собрал несколько самых сознательных и рискованных. Пришли мы к Дмитрию нашему Карловичу в дом, выволок я его за волосы в залу и забил ногами до смерти. Выводок его выгнал. И дом спалил. Белокаменный, на два этажа, с полукруглым балконом на колоннах. А мы в хибарах по двенадцать душ ютились...

У костра повисло общее тяжёлое молчание. Только дрова потрескивали и перетаптывались кони возле крыльца. Фома, повесив голову, молчал.

– Жалко тебе барина-то? – тихо спросил Семенов. – Жалко, наверное. А не перешагнёшь через эту жалость рабскую, не видать тебе нового справедливого мира, в котором ни господ, ни рабов, в котором люди не жируют и не пухнут с голоду, а живут по-людски. Хотя, чую, тебя самого скоро раскулачивать придется!

Когда ужин закончился и краскомы стали расходиться, Семенов придержал за рукав Буцанова.

– Что про Ореховку думаешь? – спросил он, оставшись с комиссаром наедине. – Неужто правда?

Буцанов пожал плечами. Затухающий костер бросал красные блики на широкие скулы, высокий лоб, копну светлых волос.

– Кто его знает... От Клюквина всего можно ожидать... Мутный он. И двух комиссаров у него убило, одного за другим...

– Н-да... И чего делать будем?

– Чего делать... Не наша ведь это забота. Если все правда, так думаешь, Горюнов не прознает про его художества? За такое сразу к стенке поставят...

– Тоже верно! А чем думаешь наших бойцов занять? А то ведь от безделья дурные мысли сами в голову лезут.

Комиссар кивнул.

– Согласен. Хочу соревнования по рубке устроить. Призы приготовлю – и нашим ребятам веселье, и местным развлечение. Пусть посмотрят, может кто-то к нам добровольцем попросится.

– Да тут уже и подходящих по возрасту парней нет. Всех разобрали. Или наши, или белые.

– Может, и так. А может, прячутся где-то.

– Вряд ли. Где тут прятаться? Хотя всякое может быть...

– Слушай, Иван Мокич! – вдруг оживился Буцанов. – Я вот что придумал: давай пошлем вестового к Клюквину, пусть и они такое соревнование устроят! А потом наши победители сразятся с ихними! И их бойцам занятие будет, и связи меж эскадронами укрепим, и присмотримся – как там у них настроения... Может, что-то и всплывет!

– А ведь верно! – Семенов хлопнул Буцанова по плечу. – Молодец, комиссар, хорошая мысль!

Буцанов было заулыбался, довольный похвалой, но тут же скомкал улыбку, поспешил принять серьёзный вид. Заправил пальцы под ремень, расправляя грудь и широко расставляя ноги. Такое с ним случалось: двадцатипятилетний выходец из купеческой семьи, так и не выучившийся на юриста студентик, домашний мальчик, время от времени как будто спохватывался и принимался играть старого революционера. Выглядело забавно, потому как шито было белыми нитками.

Но Семенова это не раздражало. Он был всего на три года старше, но неизмеримо опытней, потому что лиха хлебнул, как говорится, через край. И хотя смотрел на Буцанова, как на

не знающего жизни юнца, но признавал: комиссар ему попался – грех жаловаться. С первых дней принял революцию, насмерть разругался с отцом, ушел из обеспеченной семьи, работал на селе – в комбеде, продотрядах, хотя кулаки вспарывали его товарищам животы и набивали пшеницей – жрите, товарищи! Но он не испугался... Парнишка хотя и необстрелянный, но не пугливый: сам становится в боевой строй, не отлынивает в штабе за «срочными бумагами», в атаке бледнеет, как мел, но коня не придерживает, под пули лезет добросовестно. Хотя и надувает, случается, щёки, как сейчас, зато перед начальством не лебезит, не ищет, как бы на чужой крови карьеру выстроить. Была в нём нерастраченная искренность. И Семенов, наблюдавший не раз, как легко и быстро под пересвист пуль и шашек теряют лицо такие, как Буцанов – интеллигенты, привычные к библиотекам и электричеству – стойкость его человеческую ценил.

«Заматереть еще успеет, на войне это быстро, – рассуждал комэск, поглядывая на эскадронного комиссара. – Лишь бы не скис и не скурвился».

Семенов разворошил ногой догорающие головешки, плеснул на них из стоявшего на крыльце ведра.

– Давай-ка, комиссар, по койкам. Завтра с утра отправлю вестового в Ореховку и прикажу самим к состязаниям готовиться. В обед и проведём, чтобы не тянуть кота.

Попрощавшись с Буцановым, комэск отправился провести Сидора. Изба была поплоче и поменьше той, что досталась ему самому, Семенов помялся в сених, оглядел щелястые, вкривь и вкось законопаченные паклей стены, подумал – не переселить ли брата к себе, но засомневался: а что же остальные бойцы, которые здесь расквартировались? Получится кумовство – братцу привилегия... Не дело это!

«Ладно, – проворчал про себя комэск. – Пусть уж, как есть...» Эта часть армейской субординации, когда командиру на постое – лучший ночлег и кусок, трудно ему давалась. Но Лукин в этом вопросе проявил в своё время твёрдость: «Товарищ командир, положено так. Вас же сами бойцы не поймут. Опять же, какой в том прок, чтобы вы невыспатый и недоевший в атаку водили?»

Сидор лежал на печи, укрытый шинелькой. Возле стены пустовал набитый соломой тюфяк: боец, которому было отведено под ночлег это место, курил во дворе.

– Здоров, братец, – комэск подошёл к печи. – Болит?

– А ты как думаешь? – Сидор в ответ скривился. – Ладно, сам виноват, глупо нарвался...

– Как дело-то было?

– Да как, – Сидор отвёл глаза. – Думал, мы их догоним и перерубаем, а у них там засада... Огонь был плотный, я своих отводить стал в перелесок. А беляки в контратаку. Нужно было, не сбавляя ходу, флангом выскочить из-под огня, а там уж перестроиться и решать, что дальше. Как я сейчас понимаю. Нет у меня командирской сметки...

Сидор мрачно умолк, ожидая нагоняя. Когда случилось ему допустить командирскую ошибку, Иван, уловив минуту наедине, отсыпал ему, что называется, по первое число. Но на этот раз было иначе.

– Это, братец, придёт, – сказал комэск негромко и неожиданно участливо. – Придёт. Ты, главное, старайся, а значит, все получится.

Такой тон комэска смутил Сидора сильнее, чем любая взбучка.

– Переживаю, – признался он, выплеснул накопившееся. – Вроде и стараюсь, и в бою не робею... а оно вон как... двоих положил зазря, сам раненый...

Иван кивнул.

– Правильно переживаешь, – он покосился на дверь и заговорил ещё тише. – Кому дано, с того и спросится. Оно и со мной до сих пор бывает: задним числом понимаю, как лучше было действовать. Нормальное дело, Сидор... Что двоих положил неправильной своей командой... ну что, понятны твои думки нелёгкие... только на мне таких с тех пор, как я команду, не двое,

не трое, не десять... Ни в лицо не помню, ни по именам... разве что некоторых... А при каких моих недочётах были убиты, помню досконально... Такие, брат, дела, – комэск погладил в задумчивости крышку деревянной кобуры. – Я тебя не успокаиваю и, если допустишь большую ошибку, по-крупному и спрошу. Только так-то поедом себя есть тоже, знаешь, лишнее. Не на пользу. Мы военную науку не в военной бурсе постигаем, не на учебных манёврах... и цена нашей науке – ну да, человеческие жизни. Так что ты, Сидор, переживать переживай, но, главное, воюй.

– Спасибо, – отозвался комвзвода сдавленным голосом: нежности между братьями не были приняты. – Спасибо, Иван.

Пришла очередь комэска смутиться.

– Ну, в общем, пойду, – мотнул он головой. – Спи давай. Поправляйся. На построение утром можешь не выходить.

У двери остановился, бросил через плечо:

– Но лучше, конечно, выйти, если в силах.

* * *

Состязания решено было проводить на пустыре перед сельским овином: площадка там просторная, утрамбованная и улица через нее идет – есть где разогнаться. Накануне все, кто вызвался в них участвовать – а таких на эскадрон набралось всего пятнадцать человек, получили освобождение от нарядов и разрешение провести день подготовки по своему усмотрению.

– Но без бузы и самогона! – уточнил комэск, отдавая распоряжение командирам взводов. – Чтоб всё тихо и культурно!

Семенов, конечно, не усидел в штабе – вместе с комиссаром несколько раз объехал село, наблюдая за порядком. Но всё было согласно приказу: никто не пьянствовал и не дурковал. Только обозный мастер Семен Аронович, в казачьих шароварах, фуражке да в какой-то растянутой кофте, повесил на плечо точильный станок и обходил расположение эскадрона протяжно, по-одесски, крича:

– Точу шашки, сабли, кинжалы! Недорого: за шматок сала, краюшку хлеба, горсть махорки!

Кто-то соглашался на его предложение, но в основном, каждый участник сам доводил клинок до кондиции. Как правило, у всех были простые шашки, выкованные в сельских кузнях из рессор тарантасов. Это белые офицеры возили в обозах по 3–4 клинка – легкий, тяжелый, богато изукрашенный, с гардой, без гарды... Да и в эскадроне было несколько таких любителей: недавно погибший Юхно, Адамов, Пшенкин, не расстававшийся со своей гурдой... Как и все кавказские шашки, она полностью пряталась в ножны, только головка рукояти выглядывала наружу, словно забравшаяся в сапог змея. Пшенкин наловчился поддевать ее мизинцем, вцепляться крепкой ладонью в ребристую рукоятку и выдергивать клинок наружу одновременно с молниеносным ударом, от которого нельзя защититься! Свою гурду он осторожно правил на грубой наждачке и никому не доверял. А многие просто жалели харчи. Так что Семен Аронович сумел разжиться только несколькими картофелинами да сигаркой, зато постарался – наточил доверенные шашки до бритвенной остроты...

К полудню участники собрались на пустыре: разминали руки – в основном, кисть да локоть, рубили лозу, отрабатывали удары, стараясь довести их до совершенства. Потом сидели прямо на земле, дымили самокрутками и травили байки про удивительные случаи в бою и чудесное мастерство владеть оружием.

Кто-то вспомнил Ваську Юхно из второго взвода. Великий был мастер по части джигитовки и очень это дело любил. Коня подходящего – как сам говорил, «чтоб в глазах понимание и ход мягкий» – высмотрел в бою под Грушевской, под белогвардейским поручиком. Отбить

сразу не сумел – конь спас хозяина, раненного винтовочным выстрелом в бедро, вынес с поля боя. Васька потерял покой, только и думал, что о том гнедом с подпалиной на груди. Было ещё несколько стычек с отступавшими белыми, а за Петровской они закрепились – рельеф подходящий, решили принять бой. «Беспощадный» после суточного перехода остановился на восточном берегу – подкормиться и отоспаться перед сражением. В ту ночь Васька ушёл в самоход, переправился через реку, переоделся мужичком-лапотником, столярный инструмент прихватил – будто он столяр, добывает себе топором и стамеской на пропитание. Нашёл под утро облюбованного коня привязанным к стволу шелковицы во дворе. Чтобы гарантировать себя от погони, зашёл в дом, зарубил ночевавших там троих беляков – пригодился топорик – и вернулся в эскадрон аккуратно к утреннему построению. В подтверждение своему рассказу прихватил планшет поручика с картами и фотографической карточкой – стройная молодуха в длинном платье, сзади подписано таким же стройным красивым почерком: «Любовь моя всегда с тобой».

Коня Васька обхаживал и приручал к себе долго: то укусит его Пепел, то норовит через холку перебросить. Зверь оказался своенравный – зато, когда привык к новому хозяину, явил себя во всей красе. Что только не выделял с Пеплом Васька Юхно. Хлебом не корми, дай поджигитовать, покрасоваться перед сослуживцами. На полном скаку пролезал под брюхом с обнаженной шашкой в руке, поднимал на дыбы и, соскользнув по спине, как с горки, ложился в полуметре от задних копыт в траву, успевая перед этим выхватить револьвер из кобуры. Любимчик эскадрона. Семенов не назначал его командиром взвода по одной лишь причине – из-за того самовольного рейда к белогвардейским конюшням: боялся анархии в бесшабашной васькиной душе. Присматривался, ждал, в чём ещё проявит себя боец помимо лихого наездничества. Только не дождался: Васька Юхно погиб от своего же шального снаряда, прилетевшего с тыловых позиций: желторотый артиллерист поторопился, неправильно выставил прицел. И хотя расстреляли желторотика по скорому приговору ревтрибунала, никому от этого не легче...

Вспоминали и других отчаянных конников, говорили про тайны рубки, про секреты сабельных ударов, про везение в бою и, конечно, про Светлое Будущее... Постепенно на пустыре собрались все свободные от службы конники, один только военспец Адамов, штабс-капитан царской армии, ушёл к реке и провалился там дотемна, раздевшись до подштанников и листая какую-то книжку.

Те, кто в состязаниях участвовать не пожелал, тянули внеурочные наряды, перепавшие им от освобождённых сослуживцев, слушали ежедневную политинформацию и ходили в охранение за околицу села. Многие хмурились и вид имели постный – в особенности те, кому выпало таскать от реки глину и лепить глиняные шары для завтрашной рубки.

– Видал? – кивнул комиссар на одного из таких недовольных. – Петрищев опять рожу кривит!

Но комэск усмехнулся в ответ:

– Ничего, пусть. Либо шашкой махать, либо глину таскать. Сам выбрал. Надо бы закрепить нам такую традицию, с соревнованиями.

Отправленный в Ореховку вестовой Арефьев вернулся не один. Вместе с ним прискакали представители третьего эскадрона: комиссар Павел Дементьев, высокий и весь из себя видный, но какой-то медлительный в словах и движениях, как после тифа или контузии, и при нём два крупных, мордатых бойца с красными щеками, наглыми глазами и уверенными манерами. Клюквинцы, как положено, спешили и подождали, пока Семенов выйдет к ним во двор.

– Командир ваше предложение поддержал, товарищ Семенов, – сказал Дементьев после доклада. – Проведём, говорит, посоревнуемся. Только нужно наперёд глянуть, что да как. Вот, прибыли, значит, поучиться...

От гостей густо разлило перегаром, но Семенов сделал вид, что ничего не заметил.

– Отлично! – ответил он, старательно демонстрируя радушие, но не забывая исподволь оглядеть прибывших в предвечерних сумерках.

Его насторожило, что во время доклада Дементьев забыл фамилии своих сопровождающих, оглянувшись к ним, вроде за подсказкой, но те то ли действительно не поняли, в чем проблема, то ли сделали такой вид. И, поколебавшись, Дементьев назвал их просто – Весёлый и Кот. Клички характерные, с уголовным душком, что само по себе было делом обычным: в РККА воевало немало уголовников, амнистированных в связи с революцией и гражданской войной и получивших от советской власти шанс перековаться. Но то, что эта уголовная двойка, судя по всему, умудрилась сохранить в эскадроне свои клички даже для комиссара – это Семенов пренебрежительно удивило. Впрочем, не только это.

Все трое – и Дементьев, и сопровождающие одеты были так, будто сошли с типографских агитплакатов: в хороших крепких сапогах и новеньких, сочно поскрипывающих кожаных куртках. При этом оружие у рядовых не то чтобы лучше, но по фронтовым меркам куда экзотичней, чем у комиссара. У Дементьева на боку исцарапанная деревянная коробка с коротным десятизарядным маузером, таким же, как у Семенова. Это желанное оружие любого командира: хотя прицельная планка на тысячу метров может обмануть только несведущего в оружии человека, маузер и гораздо мощнее обычного нагана или отобранного у офицера браунинга, и патронов в нем больше... Правда, конструкция мудреная, зарядка долгая, в разборке сложен, а к загрязнениям чувствителен, но к этому приходится приспосабливаться. А у Весёлого и Кота на ремнях висели пижонские кожаные кобуры – Семенов видел такую однажды, мельком, в штабе полка, и знал: в них редкие на фронтах Гражданской войны американские кольты, которые завезли на русскую землю солдаты Антанты. Мощнейшие крупнокалиберные пистолеты, по слухам, невиданной убойной силы. А ведь рядовым конникам даже наганы не положены – их оружие шашка да карабин!

Семенов приказал Лукину определить клюквинцев на ночлег и вернулся в дом. Глядя в окно на измятое недавним боем овсяное поле, всё вспоминал слова Фомы Тимофеевича про установившиеся в Ореховке порядки. Думал даже вызвать к себе Дементьева, потолковать откровенно. Но интуиция подсказывала, что разговора по душам не получится.

* * *

Утром Семенов выстроил эскадрон в пешем строю вдоль улицы и прошелся с Буцановым, осматривая бойцов с ног до головы, вглядываясь в лица. Сто девять человек, все худые, жилистые, сразу видно – досыта никогда не наедались. С ним и комиссаром сто одиннадцать. Одеты разномастно: солдатские ботинки с обмотками, галифе и крестьянские холщовые штаны, гимнастерки вперемешку с гражданскими рубашками, неоднократно поменявшие хозяев пиджаки, полувоенные френчи, кожаные куртки и белогвардейские кители с отодранными знаками отличия и грубой штопкой на месте пулевых пробоин и сабельных проколов, фуражки со звездами, папахи и кубанки, которые надевали даже в жару для боя: от правильного удара они, конечно, не спасут, а вот если шашка противника придётся плашмя, то хоть как-то выручат...

Комэск с удовлетворением отмечал, что многие щеголяют в сапогах, и совсем не осталось бойцов в лаптях и опорках, да и вообще личный состав после последнего боя стал выглядеть гораздо приличней – трофейная команда хорошо поработала. Правда, кавалерийских карабинов не хватает – человек двадцать с обычными трехлинейками, а с ними на скаку управляться трудно. Но трофейного оружия – вон, полная подвода перед домом Фомы: там и шашки, и карабины, и два ручных пулемета, и наганы, и браунинги, и даже несколько гранат...

«Сейчас и поменяем», – подумал комэск, непроизвольно улыбаясь. Ему понравились лица конников – строгие, серьезные, глаза горят революционным огнем и решимостью одолеть белую контру. Дух силен, а это главное!

Семенов остановился перед серединой строя.

– Товарищи красноармейцы! – зычно обратился к бойцам. – Поздравляю вас с очередной победой!

Стихло ответное «ура», слитное и упругое, комэск продолжил:

– Любо-дорого на вас смотреть. Вижу, революция в надёжных руках. Скоро мы добьём белую сволочь и начнём строить новый счастливый мир. А если сложим головы, защищая родную советскую власть – что ж, по мне, и погибнуть, делая великое дело, не страшно. Но нужно бы усложнить проклятой контре эту задачу! И чтобы помешать врагу погубить нас – мы отныне будем оттачивать воинское мастерство в учебных соревнованиях. Так, комиссар?

Семенов повернулся к Буцанову, как бы передавая ему слово.

– Белые отступили по всему фронту! – привычно начал комиссар. – Выбив неприятеля из Сосновки, «Беспощадный» решил важную стратегическую задачу, – он говорил, размахивая правой рукой, будто шашкой рубил.

Закончив с традиционным уже разъяснением важности Южного фронта для молодой советской республики, он призвал красноармейцев показать боевое мастерство на предстоящих соревнованиях и вопросительно глянул на комэска.

– Бойцы! – скомандовал Семенов. – Всем, у кого винтовки, строиться в колонну по два. Заменим на трофейные карабины! Товарищ Буцанов руководит!

Комиссар довольно кивнул – он любил руководить.

– А потом сразу начнём соревнования!

...Селяне, собравшиеся понаблюдать за ратными забавами красноармейцев, вырядились, как на праздник – во всё, что поновей. Мужики надраили сапоги, нахлобучили картузы с блестящими козырьками, бабы надели припрятанные от мародёров широченные юбки и цветастые платки.

Комэск с эскадронным комиссаром и командирами взводов расселись на принесённых из соседних домов лавках. Тут же, на правах почётных гостей, клюквинцы. Кот и Весёлый успели обойти всю деревню, осмотрели лошадей, познакомились и заводили разговоры с бойцами. Держались по-хозяйски, как у себя дома. Вообще, всё – от ухваток до осанки, выдавало в них привычку не особенно стеснять себя дисциплиной.

Семенов тем временем пытался вызвать на разговор Дементьева, но тот держался напряженно и отмалчивался, как будто побаивался чужого командира. Да и на своих бойцов косился опасливо... Может, боится, что выкинут что-то? Или просто боится их?

– Хорош кублиться! – крикнул, заждавшись, Семенов. – Первая пара на исходную!

Начали с рубки глиняных шаров. Бойцы комендантского отделения ставили шары на деревянные подставки высотой с человеческий рост и всадники, отъезжая по очереди к краю пустыря, должны были на полном скаку рубануть по мишени так, чтобы разрезать её поперёк, оставив свободно стоящее основание на месте.

Зрители принялись подбадривать своих, кто всерьёз, кто с подначкой.

– Не оплошай! Давай!

– Смотри, Федька, целиться не забывай! На баб не отвлекайся шибко!

На первом состязании отсеклось четверо: с задачей разрубить глиняный шар, имитирующий вражескую голову, справились все – но хлесткости удара для того, чтобы оставить при этом основание на месте хватило не каждому.

– Может, ещё по одной попытке? – предложил огорчённый таким результатом Буцанов.

– Никакой второй попытки, – отрезал Семенов. – Нечего тут... у Шкуро пусть попросят... вторую попытку.

И, поднявшись, скомандовал:

– Все, кто не справился, вернуться в подразделения!

Сосновские мужики, как только закрутилось зрелище, принялись что-то между собой обсуждать, оценивать соревнующихся, определяя, в ком больше силы и сноровки – точно так, бывало, придя пошабашить на станцию, они присматривались, кого из местных грузчиков позвать к себе в бригаду для полного комплекта.

Закончив с глиняными шарами и спешившись, принялись рубить воткнутую лозу с наде-той сверху папахой. Рубить следовало так, чтобы папаха не падала наземь, а соскакивала вертикально на оставшийся кусок лозы – раз за разом опускаясь всё ниже и ниже.

Проще всех – размеренно и споро, будто проделывал его каждый день, с упражнением управился донской казак Вихрев. Четыре удара, последние два с колена – и папаха аккуратно плюхнулась на дорогу, взметнув облачко пыли.

– Знай наших! – выкрикнул Буцанов – сам дончак, хоть и не казак, а иногородний, но вот не удержался, даже про комиссарское звание забыл. Впрочем, по службе он землякам спуску не давал. – С донскими тягаться, что с кобылой...!

Эскадронцы засмеялись ядреной шутке: ай да комиссар, умеет забористо сказать, значит, лишний раз подтвердил, что свой, народный!

Военспец Адамов провозился чуть дольше Вихрева. Долго ходил вокруг цели, притопы-вал по земле, примерялся, нагнав на зрителей нервное нетерпение: «Давай, господин товарищ, не тяни! Что ты там высматриваешь?!» Но потом в три удара срубил лозу под папахой, чётко и уверенно уложив её рядом с вихревской.

Многие начинали хорошо – их шашки летали с коротким хищным свистом, они бодри-лись и перекрикивались со зрителями, и казалось, запросто покровсают лозу до самого конца – но стоило дойти до низовых ударов, как папахи, кувыркнувшись, слетали с опоры под разо-чарованные возгласы зрителей.

С заданием справились всего пятеро.

Перешли к рубке свободно свисающей веревки, привязанной к приколоченной к стене овина перекладине.

– Командир, одну-то совсем легко рубануть. Прикажи сразу три повесить. Чего добро зазря переводить? – предложил Пшенкин с Кубани, баюкая в руках знаменитую кавказскую гурду, которую считал лучшей шашкой в мире и которой владел виртуозно, потому и запросил сразу три каната, а вовсе не от проснувшейся вдруг хозяйской жилки. Но комэск возражать не стал.

– Давайте три! – распорядился Семенов.

Пока крепили дополнительные веревки, Весёлый и Кот подошли к Пшенкину, принялись что-то у него выпрашивать, к шашке руки тянуть, вроде поддержать просили. Тот выслушал, мотнул чубатой головой, будто отрезал:

– Говорить тут не о чем!

Клюквинцы, похоже, не собирались отставать, но заметив цепкий взгляд Семенова, Весё-лый толкнул Кота под локоть и они прогулочным шагом вернулись в толпу зрителей.

Висячую веревку рубить совсем не просто, это Пшенкин слухавил. Она ведь не сопротивляется клинку, а уходит от него. И силой тут не возьмешь – только скоростью и резкостью! А если есть в ударе эти составляющие, тогда действительно – и три пересечешь, как одну! Короче, три веревки, повешенные рядом, кроме Пшенкина сумели перерубить только Адамов и Вихрев.

Им троим и выпало последнее, решающее задание: рубить связанную пучками лозу, под которую извели изрядно кустов в ближайших перелесках. Рубили сначала пучки по десять штук, потом по двадцать и тридцать – по кругу. Тут уж пришлось соревнующимся попотеть – эта рубка была не только на силу и резкость удара, но и на выносливость хвата руки. Финалисты поснимали френчи и кители, засучили рукава рубашек.

– Порты тож скидывай! – пошутил кто-то из местных.

Но рассмеялась только детвора и молодые бабы. Мужики наблюдали за происходящим с напряжённым сосредоточенным вниманием.

«Так, глядишь, и в эскадрон попросятся, – подумал Семенов. – Хотя куда им – нестроевые все, а то бы уже прибрали – либо наши, либо белые...»

Рукоятки сидели в крепких ладонях как влитые, клинки проходили связанную лозу, словно морковку. А всё-таки с каждым кругом становилось заметно, что рубщикам требуется всё больше усилий – и вот уже Лукин, вызвавшийся исполнять роль судьи, начал считать в разрубленных пучках уцелевшие лозы, провозглашая лужёной своей глоткой:

– Семь! Пять! Тут три! А тут аж десять!

Вихрев отстал первым.

Пшенкин с Адамовым шли ноздря в ноздю, но всё-таки Пшенкин набрал больше очков, в последнем круге умудрившись собраться и перерубить пучок в тридцать лозин. Адамов был вторым, на третье место вышел Вихрев.

– Пшенкин потому выиграл, что у него гурда! – раздосадованно бросил Вихрев. – Она сама рубит...

– Но-но! – беззлобно парировал Пшенкин. – Зато сама не ходит. И в руки абы кому не даётся. Я ее с есаула Дикой дивизии снял, – и засмеялся. – Как заприметил, так весь бой к нему пробивался, пока не зарубил. Так что, товарищ Вихрев, не в шашке дело!

Семенов с Буцановым подошли к финалистам, пожали им руки.

Поддавшись азарту, Семенов по-свойски шепнул Пшенкину:

– А дай-ка, товарищ победитель, попробоваться. Не приказываю, прошу.

Казак вздохнул – мол, не дело это, оружие своё отдавать.

– Да не верь ты в приметы, товарищ Пшенкин, пустое! – сказал комэск и уважительно, сходу принаравливая руку к незнакомой рукоятке, принял протянутую Пшенкиным гурду.

Привычно раскрутил шашку над головой, ударил сильно да хлесткости не хватило – не дорубил и до середины пучка.

– Похоже, командир, действительно не в шашке дело, а? – съязвил Буцанов.

– Ничего, я завсегда в стрельбе отыграюсь, – полушутя огрызнулся комэск. – Призы-то вручай!

Призом за первое место оказался наган, который, в общем-то, рядовым конникам не полагается, за второе – почти новый планшет, за третье – серая каракулевая папаха.

– А что, командир, может, постреляем на спор? – улыбаясь, спросил Кот.

– Какие у меня с тобой могут быть споры? – холодно спросил Семенов, но, поймав внимательные взгляды Дементьева и Веселого, передумал. А то еще разнесут по всему фронту, что комэск «Беспощадного» побоялся с клюквинским бойцом сразиться! И ведь обязательно разнесут!

– Давай просто постреляем, без всякого спора! – Семенов подмигнул Лукину. – Ну-ка, Василий, выставь в поле мишеньку...

Лукин скомандовал своему тезке – Ваське Сергееву из третьего взвода, тот с дружкой быстро притащили тыкву, подставку для рубки глиняных шаров и под руководством Лукина побежали в поле. Клюквинцы переглянулись.

– Чего это они?! – удивился Кот. – В тыкву стрелять, что ли? Я в подброшенную монету попадаю!

– Про монету не знаю, – спокойно сказал Семенов. – Ты в тыкву попади...

Отбежав на сотню шагов, Лукин с бойцами установили оранжевый плод, размером побольше человеческой головы, на подставку и вернулись обратно.

– Давайте, палите, – сказал Лукин, тяжело дыша.

– Подожди, кореш, это что? – Кот огляделся по сторонам. Их полукругом окружили конники «Беспощадного» с интересом наблюдая за развитием событий. Семенов невозмутимо пристегивал к маузеру кобуру-приклад.

– Да вы что, шутки шутите?! – зло заорал Кот. – Я тоже шутить люблю! Давайте в яблоко стрелять! Вначале я на голову поставлю, а потом ваш командир!

– Глупость это. У меня голова не казенная, – Семенов приложил приклад к плечу, прицелился и быстро выстрелил – раз, второй, третий. Тыква свалилась с подставки.

– Теперь несите, посмотрим...

В цели оказалось две пробоины, третья пуля оставила глубокую царапину на коже.

– Хорошо, командир! – засмеялся Лукин и повернулся к Коту. – Стрелять будешь?

– На сто шагов из пистолетов не стреляют! – недовольно сказал он, расстегивая фасонистую кобуру. – Ну-ка, Веселый, подбрось эту одороблу!

Тыква взлетела в воздух, оглушительно грянул кольт, и она разлетелась вдребезги, желтые ошметки рассыпались по земле, как мозги из чьей-то ненавидимой головы. Босые мальчишки быстро собирали куски тыквы в подолы – видно, мамки послали: их сварить можно...

– Вот так мы стреляем! – похвастал Кот. Настроение у него улучшилось.

– Так ты ж в монету обещал? – усмехнулся Семенов, привычно вешая маузер на бок.

– Важна не победа, а участие! – дипломатично сгладил конфронтацию Буцанов. – Считаю, что оба победили! Нет возражений?

– У меня нет! – пожал плечами Семенов.

– И у меня, – согласился Кот.

– Еще бы гурду вашего хлопца попробовать, – добавил он, отыскивая среди зрителей Пшенкина.

– На ком пробовать собрался? – тот услышал, подошел поближе.

– Взять свинью и рубануть! – вмешался Веселый. – Сначала гурдой, потом обычной шашкой...

– Откуда тут свиньи, дорогой товарищ? – урезонил клюквинца Буцанов. – Видишь, детишки даже мишень на кашу собирают... Зря тыкву испортили, надо было в подсолнух палить...

– Ну, тогда вывести какого-нибудь контрика в поле, и пусть бежит, а его догнать и рубануть, – предложил Кот. – По-баклановски, до пояса!

Окружающие перестали улыбаться. Между конниками «Беспощадного» и клюквинцами сразу возникла стена отчуждения.

– Какого «контрика»? – холодно спросил Семенов. – Откуда здесь «контрики»? Это наши люди, угнетенные крестьяне!

– Брось, командир, – махнул рукой Веселый. – Они все, как редиска: снаружи красная, а поскреби – нутро белое!

– Слушай, гад, а давай ты побежишь, а я тебя до бедра рубить стану! – завелся Пшенкин. – Как тебе такое, понравится?!

– А зарубишь до бедра? – оскалился Веселый.

– Разрублю!

– Ну, может еще случай и представится, – сплюнул Веселый. – Только вряд ли!

– Подождите, товарищи, кого рубить?! – строго вмешался Дементьев. – Своего товарища, красноармейца? Что-то я не пойму, товарищ комиссар, к чему разговор идет!

– Дурацкий разговор вышел, – примиряюще сказал Буцанов. – С двух сторон дурацкий! Чего вы сцепились? А ну-ка, пожмите друг другу руки!

Пшенкин и Веселый без особой радости обменялись рукопожатиями. Семенов на это смотреть не стал – повернулся и ушел по своим командирским делам.

– Ну, вот и хорошо, – успокоился Буцанов. – Пойдемте, отдохнем, потом у нас праздничный ужин запланирован. Даже мясо будет!

К удивлению комиссара, остаться на праздничный ужин Дементьев отказался.

– Вернуться лучше затемно, – пояснил. – Мало ли шатается по окрестностям контры и несознательного элемента. Слышали, целые хутора вырезают?

– Да остались бы, комиссар, – по-свойски сказал Весёлый. – Чего нам эта контра? Сами перекрошим кого хошь! Погудели бы с братишками...

Но Дементьев оказался неожиданно твёрд – и, похоже, ему удалось вспомнить фамилию Весёлого.

– Помнишь, что товарищ Клюквин приказал? Всё, товарищ Самохин, хорош хороводить. Едем.

Упоминание Клюквина сразу привело бесшабашных приятелей к повиновению, и они беспрекословно отправились седлать коней. Перед отъездом Дементьев зашел к Семенову.

– Приезжайте завтра к нам, – сказал на прощанье, впервые посмотрев комэску «Беспощадного» в глаза. – Пусть ваши богатыри с нашими силами померяются! Думаю, дело это правильное, как с боевой, так и с политической позиций.

– Я тоже так думаю! – отчужденно кивнул Семенов.

* * *

В Ореховку Семенов не поехал, рассудив просто: «Раз Клюквин ко мне не явился, то и мне к нему ехать не след». Отправил с призерами Буцанова, вроде баш на баш.

Они вернулись после полудня, но втроем, без Пшенкина.

Комэск заметил приближающихся всадников в окно – не торопятся и лица вроде бы не встревоженные – вышел в большую комнату, встречать. На сердце почему-то было беспокойно.

– Пшенкин где? – спросил Семенов, как только они вошли, не дожидаясь доклада.

– Первое место там занял, – ответил Буцанов. – В пух и прах, хотя там тоже, знаешь...

Комэск мрачнел, слушая, как явно растерянный, но старательно сохраняющий солидность при боях Буцанов уходит от ответа.

– Пшенкин, спрашиваю, где, – негромко, но с хорошо слышимой угрозой в голосе повторил комэск.

Адамов смотрел в пол – похоже, он, как и командир эскадрона, в полной мере осознавал серьёзность ситуации. «Жаль, что ты из бывших, – подумал Семенов. – Назначить бы тебя взводным».

– Да он с Веселым и Котом напился, к вечеру придет! – Буцанов упрямо старался сохранить шуточный тон. – Тебе Клюквин привет передавал.

– Пусть он приветы свои в ж... себе засунет! – взорвался Семенов.

На хозяйской половине тут же хлопнула дверь: кто-то поспешил оградиться от бранных слов и надвигающегося скандала.

– Ты почему пьянку допустил? – перешёл комэск на сдвленный шепот. – Ты почему своего бойца оставил?

– Так он же победил, имеет право отметить! – оправдывался комиссар. – Я его не у белых оставил, а у своих... Клюквин сказал, нормально всё будет...

Семенов обернулся к рядовым конникам:

– Вернуться в расположение!

Адамов и Вихрев, козырнув, ушли.

– Ты, Буцанов, с дубу рухнул, что ли?! – на лбу у Семенова дрожала вздувшаяся вена, желваки вздувались и опадали. – Ты что мне тут поёшь, комиссар?!

Буцанов и раньше видел комэска в таком состоянии. В прошлые разы это заканчивалось лобовой контратакой на превосходящие силы противника – или приказами о расстреле. Буцанов помялся и, шагнув к столу, уселся тяжело на лавку.

– Да что-то нашло, командир, – он опустил голову. – Пока с Клюквиным был, казалось, что и ничего такого... пусть боец отдохнёт...

– Ты понимаешь, что ты мне всю дисциплину, с таким трудом отстроенную, ломаешь?

– Прости, командир... Но он вернётся, никуда не денется...

Пшенкин объявился к вечеру, с разбитым лицом и без шашки.

Буцанов при виде его только крикнул и принялся торопливо перематывать портянки – что будет дальше, он уже догадывался.

– Докладывай по сути, – приказал комэск Пшенкину. – Коротко.

– Напоили, предлагали в карты играть на гурду, потом купить хотели, – самогонкой от казака разило за пять шагов, слова давались ему тяжело. – Я отказался, ну и вот!

Он задрал опухшее лицо.

– Виноват, командир, готов...

– Да вижу я, что ты готов! – оборвал комэск. – Только не в тебе дело! Ты весь эскадрон опозорил! Получается, что эти анархисты могут моих бойцов спаивать и избивать! Ложись спать, победитель!

В последнем слове прозвучала откровенная издевка.

– А мы поедem с этими гадами разбираться!

– Командир, как же так?! Я первым туда скакать должен!

– Остаёшься здесь, я сказал! Ты уже все, что мог, сделал!

Лукин молча тащил во двор седло и сбрую – седлать Чалого.

* * *

До Ореховки было четыре версты. Поднятый по тревоге первый взвод, отделение «Ангела смерти» и две лучшие эскадронные тачанки, на кованых рессорах, с пулемётами на новых стальных рамах, добрались туда за полчаса. Уже смеркалось.

Штаб Клюквина долго искать не пришлось, первый же встреченный на улице мужик указал на избу с ярко горящими окнами.

– Да вон...

Одна тачанка наставила пулемет на входную дверь, вторая развернулась пулеметом вглубь села, контролируя подходы к избе. С карабинами наперевес конники окружили штаб.

Семенов прыгнул на землю, накинul вожжи Чалого на забор и, махнув рукой, пошёл ко входу. Сидор с рукой на перевязи, «Ангел смерти» и четверо «ангелят», двое из которых были вооружены ручными пулеметами Шоша и Льюиса, спешили и двинулись за ним. Комэск ударил ногой в дверь, она распахнулась, грохнув о косяк. В сенях, развалившись на раскиданной по полу соломе, шестеро здоровенных мордovorотов в новой одежде – очевидно, личная охрана Клюквина, при тусклом свете керосинки играли в карты. Они были пьяны, но при виде ворвавшихся людей, хватая винтовки, вскочили навстречу.

– Ложись, контра, а то всех на воздух подыму! – заорал Сидор, взметнув над головой гранату. Чёрные жерла пулеметов усилили впечатление. Винтовки со стуком попадали на пол, телохранители повалились рядом.

– Один сторожит, остальные за мной! – приказал Семенов и распахнул дверь в горницу, застав немую сцену, словно внезапно остановили спектакль и актеры застыли на полуслове и полудвижении.

Комната напоминала музей, а не крестьянскую избу: забитая дорогой старинной мебелью, шелковые занавески на окнах и тяжелые бархатные шторы. Трое замерли за растерзанным

гулянкой столом, обратив бледные лица в сторону вошедших. Наверное, они ожидали худшего – группу белых диверсантов, но рассмотрев звезды на фуражках и красные ленты на кубанках, перевели дух и продолжили прерванные на половине движения. Молодая грудастая баба, с густо подведёнными глазами и намалёванными губами, державшая на весу стакан, донесла его наконец, до рта и, энергично влив в себя мутное содержимое, схватила с тарелки щепоть квашенной капусты – закусить. Цветастое платье щедро открывало голые плечи и значительную часть пышной груди.

Сидевший напротив неё комиссар Дементьев, смертельно напуганный и вжимающий голову в плечи, поднял ладонь с растопыренными пальцами, будто заслоняясь от ствола Семеновского маузера. Клюквин, развалившийся рядом с полуобнаженной красоткой, непринужденно обнял ее за голые плечи. Узкое бледное лицо с глубоко посаженными тёмными глазами и квадратной нижней челюстью ничего не выражало, будто вошёл повар со свежей порцией мяса. Было ясно: командир третьего эскадрона трезво оценил обстановку и решил не дёргаться попусту.

– Заходите, гости дорогие, – ровным тоном произнёс он, как будто действительно пришли званные и давно ожидаемые гости. – А чего это до зубов вооружились, будто воевать собрались? Здесь все свои! Давайте, ребята, поставьте что-нибудь веселое!

Последняя фраза была адресована двоим мужикам, застывшим у стоящего на сундуке граммофона. Одного, в яркой вышиванке, Семенов знал – это был Фёдор Горкин, ординарец Клюквина. Он схватился было за рукоять револьвера, но спокойствие командира, а может, в большей степени наведённое оружие и поднятая граната оказали своё воздействие, и он разжал пальцы. «Ангел смерти» быстро разоружил обоих, бросив выпотрошенные наганы под стол.

– Правильно! – в наступившей нервной тишине Семенов неторопливо убрал маузер в кобуру.

– Ну что, музыка будет, нет? – обратился Клюквин к замешкавшимся у граммофона бойцам. – Надо же гостей развлечь!

– Знаем, как ты гостей развлекаешь! – процедил Семенов. – Лучшего моего рубаку избили и ограбили! Сейчас я вам без музыки танцы устрою! Да под трибунал отправлю!

– Кого избили? – Клюквин изобразил полнейшее непонимание. – Кого ограбили? Федька, почему я не знаю?

– Да ничего особенного! – нехотя буркнул ординарец. – Поцапались ребята, потом сами разобрались. Всего и делов-то!

– Короче, давай сюда своих бандитов! – приказал Семенов.

Клюквин пожал плечами, кивнул Фёдору и тот вышел из комнаты.

– Садись, Ваня, поешь, – комэск-три широким жестом указал на обильный стол: картошка, жареное мясо, свежие овощи, соленья, хлеб, сало, кровяная колбаса...

– Хорошо живёшь! – заметил Семенов. Он сел к столу, но есть не стал, повернулся к своим:

– Поешьте по одному! Раз хозяин настаивает...

– Хорошее дело! – «Ангел смерти», не опуская нагана, схватил кусок хлеба, колбасу, начал жадно жевать.

– Мы и должны хорошо жить, – свысока ответил Клюквин. – Потому, что мы солдаты революции! Так, комиссар?

– Так, – послушно кивнул Дементьев.

Семенов ударил кулаком по столу – звякнули, подскочив, тарелки.

– Не так! Солдаты революции никого не грабят! И своих не бьют! Что вам мой Пшенкин сделал? Или он не боец революции?

– Это тот, который канаты ловко шинкует? – усмехнулся Клюквин. – Я смотрел. Ай-й-й-й. Вот шельмы! Теперь, Ваня, я понимаю, отчего кипит твой разум возмущённый! Но не портить же всем настроение из-за мелочей! Давай, Три Пётра, заводи музыку!

Грамофон кашлянул и затянул блеющим голосом: «Плачь, цыган». Сидор глянул на брата и нагайкой сбросил звукозаписывающую пластинку, музыка смолкла. Так и сидели в молчании. Клюквин выпивал и закусывал, тискал свою красотку, иногда бросая на Семенова угрюмые взгляды. Но тот не обращал на это никакого внимания. Его люди насытились, но сам он к еде не притронулся, хотя желудок подвело от голода: никто не скажет, что комэск ел со стола негодяя!

Наконец, Фёдор вернулся, держа в руке длинные ножны, из которых вытаскивало навершие рукояти.

– Вот, – положил он пашку на край стола, а сам подошёл к Клюквину, пошептал на ухо. Семенов вытащил клинок, осмотрел и передал «Ангелу смерти».

– Гады эти где? Кот с Веселым?

Фёдор развёл руками.

– Не нашёл. Веются где-то.

– Ну вот, – оживился Клюквин. – И все дела. А ты стволами тыкать. Нехорошо. Выпьем на мировую! Паша, налей!

Дементьев разлил самогон по стаканам.

– У тебя что, комиссар на розливе? – мрачно поинтересовался Семенов.

– Нет, что ты! Партия у меня в почете, – с усмешкой ответил Клюквин. – Просто мы друзья. Сдружились, понимаешь ли, не разлей вода. А друзья разве считают – кто кому налил? Давай, выпьем! Мы же во всем разобрались!

– Э, нет, – сказал Семенов. – Не во всём. Согласно революционным законам грабителей следует расстрелять перед строем или, если это тебе легче, сдать в полк, в трибунал!

Клюквин поморщился.

– Расстрелять, трибунал... Слушай, ну вот что ты такой упёртый... Если собака чабана сожрет курицу в соседней деревне, разве он станет ее стрелять? Так, поругает для вида! Я их тоже завтра поругаю перед строем, честное красноармейское...

– Так они у тебя собаки? То-то, смотрю, ты их кормишь лучше, чем комиссара! У него обычный наган, а у собак заморские пистолы! И у тебя, вижу, такой же...

– Не горячись, успокойся! Нам делить нечего! Давай подружиться, Ваня!

Держа руки перед собой (дескать, видишь, никакого подвоха), Клюквин пересел к Семенову, обнял за плечи, но тот резко освободился.

– Укрепим, так сказать, фронтовое товарищество... Да будем вместе дела делать... Не пожалеешь!

Он выпил, закусил куском сала, показал взглядом:

– Угощайся. Сала-то, небось, давно не ел?

Семенов встал.

– Мне жировать не с чего. Вся страна ремни-то затягивает! Сам товарищ Ленин не каждый день досыта кушает!

Клюквин расхохотался.

– Наивный ты, Ваня, ну прям как ребёнок! Хочешь, я тебе Надьку отдам на неделю, только с возвратом...

Грудастая красотка многообещающе улыбнулась. Край ее стакана был густо измазан помадой.

– А хоть и совсем забирай, – великодушно махнул рукой Клюквин. – Для боевого друга ничего не жалко. И вот ещё в придачу, бери!

Он вынул из нагрудного кармана золотой «Брегет» с цепочкой и протянул Семенову.

– А насчёт Ленина не беспокойся, не голодает он! И фазанов ест, и стерлядку паровую, мне ребята расска...

– Бац! – зубы комэска-три лязгнули, чугунный кулак Семенова сбил его со стула, и он с грохотом упал на пол.

– Ах ты, сука! – вскочив, Клюквин выхватил кольт из желтой фасонистой кобуры. Семенов схватился за свой маузер, но он не успевал, и комэск-три выстрелил первым. Грохот мощного патрона заложил всем уши, но Сидор успел ударить по руке нагайкой, пуля ушла в пол, а оружие отлетело в сторону. «Ангел смерти» быстро подхватил его и сунул за пояс.

В последний миг Семенов сдержал палец на спуске. Наступила мертвая тишина. Клюквин, морщась, баюкал ушибленную кисть, а маузер был направлен ему в грудь. Бесконечные секунды растянулись, нагнетая смертельное напряжение. В груди Семенова бушевала ярость, она рвалась наружу – через руку, держащую оружие, через ствол маузера, но упиралась в патрон и вырваться не могла, а потому отдавалась назад, сдавливая сердце и распирала голову. Ее надо было выпустить. Длинный тонкий ствол качнулся в сторону, грохнул выстрел, четвертая бутылка со звоном разлетелась вдребезги, обрызгав Дементьева и Надю самогоном и обдав их осколками. По столу, огибая тарелки и миски, потекла мутная, остро пахнущая жидкость. На щеке комиссара выступила кровь, он смахнул ее ладонью, но только размазал по лицу.

– Ты что здесь богуешь? – зловеще процедил Клюквин. – Я думал – за тобой сила, а ты голый! Или на две тачанки понадеялся? Да тебя мои ребята в капусту порубят!

– Испугал! – усмехнулся Семенов. – В Кривой балке весь мой эскадрон дожидается! Как выстрелы услышат... Иди, мразь!

Ухватив притихшего Клюквина левой рукой за сорочку, а правой сунув маузер под челюсть, Семенов потащил его на крыльцо. По дороге шепнул:

– Ошибеешься – с удовольствием вышибу тебе мозги! А мы уйдём по-любому!

Вокруг штаба уже собрался клюквинский эскадрон. Но с первого же взгляда командир «Беспощадного» понял: уйти им не помешают – настроение у бойцов не то. Клюквинцы выглядели растерянными и не знали, как себя вести. Все уже осведомлены о причинах резких действий «Беспощадного» и понимали, что правда не на их стороне. А если ещё дойдёт до пальбы по своим, то дело кончится расформированием эскадрона и расстрелами... Ко всему прочему, наставленные на них «Максимы» тачанок, и ручные пулемёты «ангелят» охлаждали боевой дух и не располагали к необдуманным действиям, а печальное положение командира ставило в оценке ситуации завершающую точку.

– Все в порядке! – крикнул Клюквин с крыльца. – Наши гости уже уходят. Я их провожу и вернусь. Никто не скачет следом!

На всякий случай, комэска-три запихнули в тачанку и на ходу выбросили в степи уже далеко за околицей, когда стало ясно, что их никто не преследует. Клюквин долго смотрел вслед, а потом сплюнул и, скособочившись, пошёл обратно.

Когда приближались к Сосновке, Иван Семенов придержал коня и подождал Сидора:

– Спасибо, братуха, ты мне жизнь спас!

– Третьего дня ты мне, теперь я тебе, – ответил Сидор. Повязка на его плече пропиталась кровью. – Квиты будем!

– Какие счета между братьями! – скупой улыбнулся Иван.

Когда прибыли в расположение, то оказалось, что «Беспощадный» находится в полной боевой готовности, и комиссар Буцанов уже собрался вести его на логово Клюквина. Семенов скомандовал отбой и никак этот факт не прокомментировал, но про себя действия комиссара оценил и одобрил.

Глава 2

На гражданской войне только пушки в цене...

По небу плывут белые облачка, свежий ветер – как привет из мирной жизни, густо пронизан запахом вызревающих злаков. Продовольственный обоз, прибывший позавчера, был на редкость наварист: не только мука и лук, как обычно, но ещё и перловка, и квашеная капуста, и свёкла, и даже немного тушенки. В такую погоду да при таких обстоятельствах, пришедшее из штаба полка сообщение о том, что в связи с выравниванием линии фронта эскадрон будет отдыхать несколько дней, а то и неделю, откликнулось в красноармейцах давно забытым спокойствием и умиротворением. Выпадали и раньше «Беспощадному» такие дни – считай, краткосрочный отпуск, только редко. И каждый раз после этого случалась настоящая мясорубка, перемалывающая четверть, а то и половину эскадрона. Но о плохом в такие моменты не думается, особенно когда сошлось одно к одному: погода, постой в дружественно настроенном селе, продвижение по всему Южному фронту, предвещающее победу Мировой революции.

– Чем займем людей, Иван? – спросил Буцанов. – Соревнования были, учения постоянно идут, надо бы им праздник устроить...

– Самое время назначить банный день, – ответил Семенов. – Пусть ребята расслабятся и отдохнут – кто знает, сколько кому еще жизни отмерено...

Комиссар это решение одобрил. Впрочем, они жили душа в душу, и разногласий между командирской и партийной властью практически не было. Такое взаимопонимание случалось редко – чаще командир и комиссар грызлись, как кошка с собакой, писали друг на друга рапорта и ставили палки в колеса. И все ради того, чтобы доказать – кто главней...

– Мы тут с комиссаром посоветались и решили вечером устроить праздник по случаю наших побед над белой гидрой по всему фронту, – объявил комэск на утреннем построении.

– А также в честь храбрости, верности делу революции, соблюдения строгой воинской дисциплины и высокой сознательности бойцов «Беспощадного», – торжественно добавил Буцанов. – А сейчас – банный день!

– Ура-а-а! – раскатисто прокричал строй.

– А праздник с самогонкой? – звонко выкрикнул кто-то. Семенову показалось, что это Васька Сергеев – известный бузотер из третьего взвода.

Вопрос был справедливый: какой же праздник «насухую»?

Комэск и комиссар переглянулись. Буцанов кивнул: дескать, не возражаю.

– Раз комиссар согласен, то и я не против, – сказал Семенов.

По рядам пронёсся одобрительный гул.

– Но чтоб себя блюли и меру знали! – добавил он строго. – Под ответственность взводных командиров!

– За малейший проступок вводится сухой закон, – подытожил Буцанов.

– Правильно, комиссар, – кивнул Семенов. – Так что, гулять – гуляйте, а за порядком присматривайте!

– Товарищ командир! – раздалось из строя. – Разрешите обратиться?

– Разрешаю.

Строй расступился, вышел невысокий скуластый боец в стареньком, но чистом и отутюженном кителе.

– Мы тут с мужиками покумекали, – сказал боец. – Сейчас дичи в лесу много. Дозвольте... то есть, разрешите охоту снарядить.

Семенов улыбнулся.

– Сам с утра подумывал... да потом патронов жалко стало... Ну, так и быть, – махнул он рукой совсем уж по-свойски, будто с приятелями договаривался. Бойцам это нравится.

– Только не из винтовок шмаляйте, а то людей постреляете. Ружья возьмите, выберите самых метких: от взвода по два человека, не больше. И рыбалку заодно организуйте. Ушицы поедем.

Бань в Сосновке – чуть не в каждом дворе. Выбрали получше да почище, на каждый взвод, отрядили бойцов на заготовку дров и веников. Через пару часов над трубами курился дым, бойцы по очереди заходили в маленькие избушки, откуда выскакивали красные, распаренные, исхлестанные вениками, с криками обливались холодной водой из колодца и, одевшись, садились в тени, расслабленно курили, травили байки и громко хохотали.

Охотники разошлись по окрестным перелескам бить фазанов и зайцев, рыбаки рассыпались по берегу удить рыбу. Трое самых заядлых, пользуясь всеобщим благостным настроением, отпросились на озеро в полтора верстах к северу, под самой линией фронта: местные раззадорили их байками про водящихся в озере гигантских сомов. Те, кто с купеческой жилкой, предались радостям свободного обмена: меняли у сосновцев гуталин на сало, муку на соль и чай, по курсу два к одному – сэкономленную перловку на выманенную из крестьянских запасов гречку.

Иван позвал к себе Сидора – посидеть, побалакать за жизнь. Поддавшись общей благодушной атмосфере отдыха, братья устроились возле штаба, под развесистой шелковицей, за столом с горячим самоваром и кусочками колотого сахара в расписной плошке. Душевно почивничали и уже собирались идти париться, когда быстрым шагом во двор вошел Буцанов – в растёгнутом кителе, хмурый и злой.

– Что случилось? – Семенов сразу догадался: комиссар пришёл с плохой вестью. – Докладывай!

Комиссар присел на колченогую табуретку, оглянулся – не слышит ли кто, повернулся к столу.

– Только что сообщили: в бане увидели у Федунова на шее золотую цепочку с крестиком, – сказал Буцанов. – Он ее сразу снял, но Петрищев заметил и сигнализировал. И знаешь, у него ведь всегда физиономия кислая, а тут прямо просиял весь!

– Так-так-так, – Семенов вздохнул, потёр ладонью лицо. – Не о Петрищеве речь... Это какой Федунов? Такой невзрачный, вроде как пришибленный? Молчит всегда?

– Ну да. Ты ещё ему сапоги с френчем отдал. Себе не взял, а этому...

– Точно... я и забыл... Так откуда у него золото, комиссар? Он же крестьянин, из бедноты, золото не то, что в руках не держал – даже не видел!

– Вот то-то и оно, – Буцанов посмотрел исподлобья на комэска. – Боюсь, дело тут нечистое...

Семенов отодвинул от себя недопитую кружку.

– Лукин!

Ординарец, поправляя на ходу ремень, подбежал к столу.

– Иди к Коломийцу, скажи, чтобы задержал Федунова из второго взвода.

– Понял, – кивнул Лукин. – И что с ним делать?

– Пусть дознается, откуда у него золотая цепочка с крестиком.

– Есть! – ординарец исчез.

* * *

Когда-то в эскадроне был свой особо уполномоченный ЧК, но потом его убили, а нового не прислали. С тех пор командир комендантского отделения Фёдор Коломиец выполнял его функции: и агентурную работу вел, и дознание, и приговоры в исполнении приводил, полностью оправдывая прозвище «Ангел Смерти».

Он, не раздеваясь, валялся после баньки на неразобранной кровати, мрачно глядя в потолок – то ли дремал с открытыми глазами, то ли думал какую-то невеселую думу. Впрочем, других дум у него и не бывало.

Выслушав принесённый Лукиным приказ, Коломиец поднялся, потянулся, вытащил из-под подушки наган, сунул в лежащую рядом на табуретке кобуру, перепоясался. Кивнул на сапоги, покрытые расправленными портянками, так делается на случай возможной тревоги: сунул ноги – и уже обут.

– Как знал, – хмуро сказал он. – Слишком всё было хорошо. Так не бывает.

Федунова, прямо из бани, краснолицего, с налипшим на лоб ошмётком берёзового листка, привели в дальний заброшенный сарай, который Коломиец давно уже присмотрел для таких случаев.

Один из «ангелят» подошёл к командиру, протянул улику, зажатую между большим пальцем и мизинцем. Остальные пальцы были отсечены, судя по тому, как выглядел срез – умелой хорошо наточенной шашкой. «Ангел Смерти» взглядом показал на перевёрнутую бочку: сюда клади. Крестик глухо стукнулся о дубовое днище, сверху золотой змейкой упала цепочка.

Второй конвойный, веснушчатый малый с перекинутой через плечо пулемётной лентой, подтолкнул застывшего у входа арестованного:

– Что встал, иди!

Федунов вышел на свет, падавший в расселину прохудившейся крыши. Всё такой же вялый, будто не осознающий до конца – во что вляпался.

– Рассказывай, – велел Коломиец.

Маленький, шуплый, невзрачный человечек поежился, подождал, не будет ли уточнений. Не дождался, но переспрашивать не стал. Пожал плечами, помолчал. Наконец, разжал слипшиеся губы.

– Бабкина цепочка, – сказал сиплым голосом и закашлялся.

Коломиец железной ладонью похлопал его по костлявой спине.

– Бабки Прасковьи, – продолжил Федунов. – Она из купеческих была. Мне завещала.

Конвойный с покалеченной рукой усмехнулся и вернулся к двери, стал рядом с товарищем. Тот тоже недобро улыбался.

Обойдя вокруг Федунова, «Ангел Смерти» остановился, смерил его бесстрастным, усталым взглядом с головы до ног.

– Померла, значит, бабка?

– Померла. Ещё в шестнадцатом году.

– И ты, значит, хочешь мне втюхать, что ты в своей Нищевродовке не продал бабкино золото, не обменял на мешок муки... а хранишь в память о любимой бабке? И никто до сих пор этого золота на тебе не видел. Так?

Федунов кивнул.

Коломиец расстегнул кобуру, достал наган, спросил:

– Значит, ты голубых кровей? Из кровососов-эксплуататоров трудового народа? Может, ты дворянин?

«Ангелята» рассмеялись.

– Да нет, нет! – испуганно открестился Федунов. Он не знал, в чем лучше признаваться, но прекрасно понимал: если его отнесут к классовым врагам, то конец наступит быстрее и печальней, чем в любом другом случае.

– Знаешь, сколько я всякой контры допросил и в небесную канцелярию отправил? – зловеще процедил Коломиец.

– Знаю, – ответил допрашиваемый и на глазах сгорбился, уронил плечи.

– Все правду рассказали, все. Никто слова не утаил! А ты что мелешь? Ты себя-то в зеркале видел? Или меня дураком считаешь? Хочешь, чтобы я за тебя всерьез взялся?! Откуда золото, сука!

Облизав губы, Федунов попробовал ответить, но не смог произнести ни слова. Со второй попытки все-таки справился.

– В лесочке офицер... Убитый... землей присыпанный... ну, я и снял с него... всё одно пропадать же...

– Где?

– Что где?

– Офицер твой, – Коломиец спрятал оружие в кобуру.

Федунов немного оживился.

– А, так там... если к реке идти по-над полем и, не доходя, свернуть в лес – вот как раз там в овражке небольшом... лежит...

– Сбегай, проверь, – бросил Коломиец веснушчатому конвоиру.

В овраге, на краю перелеска, действительно нашёлся полурасложившийся труп белого офицера. Следствие было закончено. За мародёрство красноармейцу Федуну полагался расстрел.

Выслушав доклад Коломийца, комэск раздосадовано повёл головой.

– Всё-таки так, – сказал он задумчиво. – Всё-таки так...

Прошёл по комнате.

– Сюда его, – приказал. – Остальные свободны.

Сидор и ординарец вышли один за другим, не говоря ни слова. Всё было понятно и так – лучше отмолчаться, переждать нехорошее завершение этого дня, начинавшегося с белых облачков на небе и банных радостей.

Привели Федунова. Он стоял у двери, подавленный и насквозь усталый, даже лицом схуднул. Могло показаться – не спал несколько ночей.

– Садись, – Семенов указал красноармейцу на стул.

Тот сел на краешек.

– Как же так? – спросил Семенов. – И, главное, зачем она тебе, эта цепочка?

Федунов пожал плечами.

– Знал ты, что за мародёрство положено?

Федунов кивнул.

– И всё равно позарился?

Комэск обвёл взглядом комнату, как бы ища кого-нибудь, кто поможет ему разобраться. Но в комнате не было никого, кроме него и человека, так глупо распорядившегося собственной судьбой.

– Слушай, Федунов, я же тебе одежду отдал почти новую. Сам не взял, тебе отдал. Вооружён ты нормально. Провиантом не обделен. Скажи ты мне, именем революции, какого беса сдалась тебе эта золотая цацка? На что она? Хоть убей, не понимаю!

Повисла тяжёлая непроницаемая тишина.

– Отвечай, – комэск навис над сидящим бойцом.

– Да я, командир, не иначе, из-за того и оступился, – тихо ответил Федунов.

– Так-то мне золото-серебро всегда было по барабану, – он поднял взгляд на Семенова. – А как приоделся, захотелось ещё чего-то, в прибавок. Вот и не удержался... Потом о золотых часах стал мечтать, – добавил он, помолчав.

– Что?! – переспросил комэск. – О чём мечтать?

– О часах. Золотых. На крайняк, серебряных...

– Ах ты гад! – комэск замахнулся, но в последний момент сдержал кулак.

– Значит, после победы Мировой революции и уничтожения класса кровопийц, ты бы сам в кровопийцу превратился?! На хорошей жратве да в крепкой одежке, ты бы и часы золотые потребовал, и выезд вороных с каретой, и дом, как у моего барина?! Только для этого других бы разорять пришлось! И опять богатеи да обделенный народ?! Опять эксплуатация?! А ради чего тогда все это?!

Семенов уже кричал во весь голос, как всегда в сабельной атаке. Потом замолчал, махнул рукой, отошел к окну, постоял молча, крикнул:

– Буцанов, Коломиец!

Когда они вошли, уже обычным тоном, сказал:

– Заседание суда пройдет здесь. Прямо сейчас. Лукин, садись протокол писать!

Протокол был коротким, как, впрочем, и приговор:

«Революционный военно-полевой суд в составе командира эскадрона „Беспощадный“ Семенова И.К., эскадронного комиссара Буцанова П.О. и командира комендантского отделения Коломийца А.Т. приговорил Федунова И.Н., опозорившего мародерством звание красноармейца, к расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно».

Впрочем, подумав, Семенов решил исполнение немного отсрочить.

– Не надо ребятам праздник портить, пусть догуляют. Потом... А этого отведите под арест...

– Товарищ командир, – вдруг подал голос приговоренный. – А можно и мне поесть напоследок да самогонки выпить? Я ведь с ребятами за Сосновку хорошо дрался... Это я потом скурвился, соблазна не выдержал...

Семенов только рукой махнул. Когда Федунова увели, комэск долго сидел возле окна, глядя, как в соседнем дворе бойцы затеваются варить уху: расселись вокруг вскипающего над костром, подёрнутого паром, чугунного котла и чистят рыбу. Трое – специально приготовленными, заточенными изнутри подковами, остальные пытаются чистить шашками. Смеются, потирают друг друга: вода вот-вот вскипит, а рыбная куча, выросшая на расстеленной перед костром дублёной шкурой – приличная.

– Давай, поворачивайся, кацапня! – дразнит сослуживца дончак. – Да гляди соседу потроха заодно не повыпускай.

– Да я третью дочищаю, пока ты со своим мальком возишься!

– Это твои, что ль, с жабрами плавают?

«Вот ведь устраивается новая жизнь, рано или поздно устроится, никуда от неё не деться, потому что нету другого пути, всё остальное тупик и провал, – тяжело размышлял Семенов. – Но как же сильна эта человеческая слабость, тяга урвать, прихватить, разжиться впрок... Контру-то мы порубим, а вот что с такими федуновыми делать?! Как эту алчность людскую искоренить, вытравить без жалости? Иначе ведь мы никогда не победим... Надо, конечно, личным примером воспитывать... Но я Федунову пример показал, а не подействовало...»

Как искоренить людскую алчность, он так и не придумал.

– Лукин! – позвал комэск, услышав, что ординарец вернулся в дом и копошится на кухне. – Распорядись Федунову поесть отнести! И самогонки кружку пусть нальют...

А себя мысленно успокоил: «Ничего, при коммунизме все сознательными станут, никто в три горла жрать не захочет. Особенно за счет других людей...»

Но червячок сомнения, копошащийся в душе, не успокоился.

Через три с половиной часа, на закате, когда июльское небо затопили сочные красные переливы, эскадрон был созван по тревоге и выстроен конным порядком на южной околице Сосновки.

Федунова, босого, в одном исподнем, вывели из-за угла крайней избы. Комендантское отделение в полном составе – бойцы с карабинами, Коломиец с наганом наголо – отконвоиро-

вали Федунова вдоль взволнованно загудевшего строя. Они остановились на разбитой обочине дороги, «Ангел Смерти» отвёл приговоренного в поле, на десять шагов.

Дождавшись команды «Эскадрон, смирно!», комэск в напряжённой тишине, нарушаемой лишь вечерними звуками, обычными для любого деревенского вечера: где-то запасали на утро воду из колодца, где-то подметали двор, где-то рубили дрова для печи, – выехал перед строем.

– Бойцы Красной армии! – торжественно провозгласил он, выпрямляясь в седле. – В наши ряды проникла зараза по имени мародёрство. Красноармеец Федунов был уличен в ношении чуждого нам символа – золотого крестика на цепочке, и под следствием признался, что снял его с убитого белого офицера. Красноармеец Федунов знал, что любые найденные на поле боя ценности, кроме оружия, следует сдавать по инстанции в пользу молодой Советской республики, претерпевающей жестокие муки от блокады и интервенции...

Он обвёл взглядом притихших, моментально растерявших праздничное настроение конников.

– С этой заразой я буду сражаться до последнего вздоха! А нужно будет, и с того света продолжу... За мародёрство, позорящее звание красноармейца, Игнат Федунов приговорен к расстрелу!

Он повернулся к комендантскому отделению, напротив которого понуро стоял Федунов.

– Именем революции, приговор привести в исполнение!

Федунов зажмурился и наклонил голову еще ниже, так, что подбородок упёрся в грудь.

Коломиец негромко и буднично подал команды:

– Отделение, заряжай!

Зловеще защелкали затворы, досылая в патронники желтые цилиндрики с обманчиво безобидными остроконечными конусами на концах.

– Отделение, цельсь!

Отработанным жестом винтовки были вскинута к плечам, мушки привычно направили грудь приговоренного. По сложившемуся обычаю, в голову не стреляли – промахнуться легче, да и больше измажется все вокруг.

– Отделение, пли!

– Ба-бах-бах-бах! – грохнул и эхом рассыпался слаженный залп из десяти стволов. Изрешеченный и отброшенный пулями Федунов взмахнул руками и опрокинулся навзничь. Коломиец быстро подошел и произвел лишний, но необходимый по протоколу, добивающий выстрел из нагана. Все, военно-полевое правосудие свершилось!

Несколько коней, не ожидавших стрельбы посреди спокойного тихого вечера, нервно храпели, вставали на дыбы и рвались вперед.

– Тихе, Леший. Стоять, Звездочка! – послышались голоса успокаивающих их конников. Семенов скомандовал, строй рассыпался и бойцы отправились к местам ночлега.

С околицы комэск с Буцановым возвращались пешком.

– Давно не было мародерства, – сказал комиссар. – Да и этот, по большому счету, на расстрел не тянул. Ну, снял с убитого беляка, никто ведь не пострадал...

Ему явно хотелось обсудить случившееся. Даже не так: хотелось, чтобы кто-то развеял его сомнения. А кто может это сделать, кроме командира?

Семенов знал, какие мысли бродят в голове вчерашнего студента, понимал, что в таких важных вопросах, как дисциплина в эскадроне, между командиром и комиссаром необходимо полное согласие – но на разговоры не оставалось сил. Нужно было ограничиться самым важным, и Семенов сказал:

– Я одно понял на этой войне, комиссар. Нужно за каждый клоповник воевать, как за последний оплот нового мира. Мелочей тут не бывает. Только тогда новый мир отвоюем, только тогда Светлое Будущее построим!

Буцанов задумчиво смотрел себе под ноги и не отвечал. Так, молча, и подошли к штабной избе.

– Пойдём, – пригласил комэск. – Посидим, выпьем, а то на душе погано.

Буцанов пожал плечами, но не отказался.

Стол был накрыт в считанные секунды – встала посреди стола бутылка мутноватой самогонки, стукнули днищами жестяные кружки. Праздничный пир остался позади, изголодавшиеся желудки снова требовали еды. Из общего котла Семенов ничего не брал, поэтому на закуску пошло то, что было припасено на завтрак: две холодные картофелины с пригоршней соли на куске листовки «Белый, сдавайся!», пара луковиц и четвертушка чёрного хлеба. Как только комэск разлил по кружкам, Буцанов продолжил начатый снаружи разговор.

– Это всё верно сказано, – комиссар снял фуражку, отложил её на край стола. – Я чувствую, наш ты человек, насквозь наш... Честно говоря, непросто рядом с тобой, командир... Иной раз я даже сам за собой замечаю, что как будто...

Комиссар замялся.

– Будто сам я не вполне соответствую, что ли...

Семенов удивлённо поднял брови.

– О чём это ты? Чему не соответствуешь?

– Ну... – Буцанов с усилием поднял голову, посмотрел комэску прямо в глаза. – Уровню коммунистической сознательности. Вроде ты на первом месте получаешься, а я на втором. А ведь должно быть наоборот!

Помолчав, Семенов разломил пополам краюху хлеба, взялся за кружку.

– Давай-ка выпьем. Молча.

Выпили. Занюхали луком, закусили холодной картошкой.

– Что ты опять переживаешь? – спросил комэск. – Какие места, кто там вперед, кто наоборот?

Каким-то неожиданно юношеским жестом комиссар пригладил оттопырившуюся чёлку.

– Понимаешь... Я ведь к тебе приставлен, чтобы подправлять и подсказывать, если ты вдруг отступишь от линии партии. А получается наоборот, вроде это ты мне подсказываешь...

– Да неужто? – поднял бровь Семенов. – Я, вроде, ничего и не говорю... Вот только налить прошу – это и все подсказки.

Буцанов налил, но шутке не улыбнулся.

...Говорить – не говоришь, это верно, ты действуешь. А у меня порой сомнения закрадываются – правильно ли? А потом... Потом, как обдумаю, с тобой поговорю, всё и проясняется... И становится понятно, что политическую линию держишь правильную и все твои решения – как нельзя лучше согласуются с партийным пониманием политического момента. Вот так вот. А ведь это я должен пример всем показывать! И тебе в том числе...

Семенов махнул рукой – мол, нашёл о чём разговоры разговаривать.

– Погоди-погоди, – продолжил Буцанов. – Не в первый раз это... и вот сегодня...

Комиссар кивнул на окно, вернее, дальше – за окно, на околицу, где только что был расстрелян Федюнов.

– Эти мои сомнения, они меня мучают. Получается, командир, что меня как будто старый мир ещё держит, как будто не вполне я проникся нашей идеей. Если такие заминки внутри случаются. Понимаешь?

Комэск дослушал взволнованную речь комиссара, посмотрел на него долгим внимательным взглядом.

– Зря ты так из-за этого волнуешься, – сказал он негромко. – Если нужно моё мнение, комиссар, оно такое. Всё с тобой в порядке. Недаром ты с отцом рассорился, из дома ушел, благополучную сытую жизнь на революцию променял, с ее голодом, холодом, лишениями, кро-

вью... Остался бы студентиком и сидел в уютном зале, лекции слушал. А ты вон куда залез – в самое пекло! Ручкой писать – не шашкой махать!

– Отец красных люто ненавидел, грабителями называл, разбойниками, – видно, самогонка ударила в голову: обычно комиссар не любил затрагивать семейную тему. – Как-то я с ним заспорил, так он мне морду набил, до кровянки. Здоровый мужичина, я против него пацан, соплей перешибет... Ну, моя морда – ладно... А теперь – мать с земляком письмо передала, пишет – он вообще к белым подался. Против нас воюет!

– Видишь, значит, правильно ты устроен, супротив отца-миroeда пошел, свою дорогу выбрал, веришь в большевистское дело и служишь ему верно. А то, о чём ты говоришь... – Семенов пожал плечами. – Просто мне, дорогой товарищ, больше зла выпало от старого режима, вот и вся арифметика. Я много чего, многие его зверские прелести на собственной шкуре испытал. За мной столько деревенского отчаяния, что сомнениям места не осталось. Отсюда и вся решительность.

Семенов еле слышно вздохнул.

– Хотя эмоции, случается, и мне приходится в себе глушить. Что ж, – он развёл руками. – Человеческая природа. С ней тоже сражаться приходится.

– Чудесной ты цельности человек, – сказал Буцанов.

– Ну, хорош, – комэск взялся за бутылку. – Не время друг друга нахваливать.

За окном послышались негромкие голоса – проплыли и стихли. Первая смена патруля заступила, решил Семенов. Тоже, наверное – обсуждают происшествие, делятся мыслями и переживаниями. Два года после революции, война искромсала страну вдоль и поперёк, ни одна семья не осталась в стороне. Но Буцанов подметил важную вещь, – держит человека в плену старый мир, старый образ мыслей. Непросто это, выбраться из руин. Не сразу и нелегко приходит даже к самым преданным и ценным людям, коммунистам, осознание: так и будешь терять дорогу, спотыкаться, пока не выберешь раз и навсегда одну-единственную справедливость – революционную, пока не впитаешь нутром: либо покорится революционной воле хаос разложившейся империи – либо рассыплется бывшая империя в труху, на мелкие осколки. И не пытайся взвесить все «за» и «против» – не работают больше весы, на которых ты привык это взвешивать.

Очередной стакан махнули торопливо, не глядя друг на друга, будто спеша завершить сложную тему. Из-за скудости закуски Буцанов основательно захмелел, щёки его покраснелись и вчерашний увлечённый революцией студент выплеснулся наружу.

– А расскажи-ка еще, как ты на Восьмом съезде побывал, – попросил он. – Даже завидую по-хорошему: самого товарища Ленина, товарища Троцкого видел, слушал их, чувствовал, так сказать, самый пульс истории...

– О, как закрутил! – Семенов вскинул указательный палец. – Умеешь красиво сказать. Талант!

Отщипнул хлеба, макнул в горку соли, бросил в рот.

– Что рассказать-то? Уже ж сто раз рассказывал.

– Да что видел, то и расскажи. Оно каждый раз по-новому выходит!

Комэск отщипнул ещё немного от краюхи, прожевал.

– Ну, первое, что поразило... Вот хорошо ты сказал, про пульс истории... Первое, это такое чувство – что вот здесь, сейчас, у тебя на глазах, будущее творится. А при этом там ни графьёв, ни царских прихвостней, ни богатеев, никого из угнетателей. И полное единение: кругом твои товарищи, трудящиеся: рабочие, крестьяне – с мозолистыми руками, героические, раненные, награжденные. Ну, и эти... как их... В очках которые...

– Трудовая интеллигенция! – уточнил Буцанов и довольно добавил. – Движущая сила революции.

– Погоди, – удивился Семенов. – Разве не рабочие и крестьяне её движут, революцию-то?

Буцанов замешкался с ответом.

– Нет, это конечно, – подобрал он, наконец, нужные слова. – Мы движущая сила революции – ее руки, ноги, мускулы. Но ты же понимаешь, революции мозг нужен. Чтобы руки и ноги правильно двигались, чтобы направление определять безошибочно. Без мозга никак. Сам посудите, товарищ Ленин молотом в кузне не махал, землю не пахал, так? Зато умище у него! Все в голове держит, во всех вопросах разбирается! И в политике, и в сельском хозяйстве, и в военном деле.

Буцанов с аппетитом принялся за свою картофелину.

– Так то ж Ленин! – улыбнулся комэск. – А насчёт военного дела они с товарищем Троцким тогда не сошлись. Тот за военспецов горой стоял – мол, это опытные специалисты, и комиссары им только мешают. Ленин не согласился – говорит: использовать старых военных специалистов нужно, но под строгим контролем партии!

– Это точно! – отозвался Буцанов, увлечённо жуя. – А то они такого наворотят! Взять хотя бы нашего Адамова...

Тут паузу взял Семенов. Откусил картошки, следом хлеба. Прожевал, отёр ладонью уголки рта.

– А что Адамов? Ну да, бывший офицер царской армии. Но в эскадроне служит исправно, помогает планировать боевые операции. Да что там, маневр с тачанками – это ж он, Адамов, придумал.

– Всё так, не спору, – согласился Буцанов. – Только к партии он не прислушивается, не интересуется партийной жизнью совсем... И ведет себя высокомерно.

– Да ладно тебе, – Семенов посмотрел на комиссара иронично. – Какое там высокомерие... Держит себя человек гордо, не без этого, так понимать же надо...

– В каком смысле?

– А в таком, что Адамов ещё с японцами воевал, потом с германцами... Когда ты еще на горшок ходил...

– Ну... при чём тут горшок? – возмутился Буцанов.

– Ладно-ладно, – поспешил успокоить его комэск. – Сорвалось, может, слишком резкое, ты не бери в голову.

И чтобы снять возникшее напряжение, перевёл разговор в другое русло:

– Ты вот мне тоже объясни, комиссар... Я-то в этих вопросах не знаток, а надо бы разобраться... Правду ли говорят, что всех будут обобществлять? И посуда будет общая, и бабы, и спать будут в большой казарме под одним одеялом?

Комиссар ответил не сразу, подумал, слизал с пальцев приставшую соль.

– Разные мнения есть, спорят товарищи, обдумывают...

Снова помолчал.

– Про посуду, полагаю, брехня... И про казармы тоже. Где столько казарм наберешь? А таких огромных одеял? Представляешь себе одеяло на всю казарму?

Буцанов потянулся к бутылке, с бульканьем разлил по новой.

– А вот про баб верно, только не совсем.

Семенов дождался, пока бутылка встанет на место, поднял кружку, показал знаком, чтобы не перебивать: давай-ка. Чокнулись, звякнув, выпили. Буцанов закусил оставшимся ломтиком картошки, продолжил, отдышавшись:

– Если замужняя или совсем молодая, или наоборот – старая, таких от повинности освободят. А остальные будут выполнять бабскую повинность по ордерам...

Семенов покосился на дверь, ведущую на хозяйскую половину: плотно ли прикрыта, – переспросил:

– Правда, что ли? Это как?

– А вот как сейчас на сапоги ордер выдают, или на оружие, так и на баб выдавать будут, – заявил Буцанов, но, подумав, уточнил. – Не всем, конечно. Особенно поначалу. Заслуженным людям только. И одиноким. Вернулся, скажем, геройский кавалерист с войны, по бабской ласке изголодался, ему выдают ордер: иди по такому-то адресу, там свое получишь!

– Так, стало быть, – покачал головой Семенов, опуская глаза. – По ордерам, значит...

– По ордерам.

Семенов откашлялся.

– А если она, допустим, не захочет? Тогда что?

– А что бывает за отказ от повинности? – сказал Буцанов. – Принудительные работы, или домзак. Там уж по закону разбираться будут. А ты что, против?

– Да нет. Я с партией до конца. Только странно как-то...

И комэск с комиссаром умолкли, доедая чёрный хлеб и погружаясь каждый в свои – но одновременно общие мысли о грядущей новой жизни, такой непохожей на ту, которая текла неторопливо, по заведённым вековым порядкам, на убогоньких полуживых подворьях Сосновки, раскинувшихся за тёмными щелястыми окнами.

* * *

Это комэск давно за собой приметил: если уж пошёл день наперекосяк – на полпути не остановится.

Уставший от нелёгких раздумий, от тяжёлого решения, Семенов уснул, как только опустился на подушку. А посреди ночи проснулся от рези в животе. Прихватило – не пошло впрок непривычное дневное обжорство. Скрутило так, что еле сполз с кровати.

В исподнем, но с маузером через плечо, доковылял до дворового нужника.

Только устроился на толчке, с облегчением расставаясь с содержимым взбунтовавшегося кишечника, как двор накрыл звук разорвавшейся гранаты. Осколок, взвизгнув, впился в дощатую крышу над головой.

– Твою ж мать! – Семенов вырвал из кобуры маузер. Со стороны дома слышались выстрелы. Полыхнуло, двор озарился всполохами огня. Слышались испуганные крики детей.

Выскакивая из нужника, разглядел несколько тёмных фигур, убегающих в сторону огорода. Из окна его комнаты выбивалось пламя. Кинулся следом и, прижавшись к забору – там, куда не доставали отблески пламени, начал стрелять. Один из убежавших упал. Остальные окунулись в ночной мрак. Комэск взял с упреждением – туда, где, по его прикидкам, должны были сейчас находиться убегающие – и пять раз подряд нажал на спуск. Маузер гремел и вскидывался. Слышался стон и звук падающего тела – но тут же, в свете выглянувшей луны, увидел, как упавший поднимается на ноги и, ковыляя, бежит прочь.

Затвор застрял в заднем положении, показывая, что магазин пуст. За огородом раздался стук копыт. Вслед нападавшим уже неслись в погоню три всадника – прискакавший на пальбу с дальней околицы ночной патруль.

– Догнать гадов, догнать! – во все горло заорал комэск, потрясая разряженным маузером. К дому подлетел конный Сидор – тоже в исподнем, босой. Следом «Ангел Смерти».

– Жив? – бросил Сидор, осматривая брата.

– Жив, – ответил комэск. – Повезло. Как раз до ветру отходил. Сидор, отправь ещё пяток бойцов в погоню, да залейте там, – он кивнул на сполохи огня за разбитым стеклом.

Огонь потушили быстро, комната не успела выгореть, только стол сгорел да постельное белье. Осколком гранаты зацепило старшую дочку Фомы, Тамару. Сам Фома выскочил с топором под пули и был ранен навывлет в руку. Пока рану обрабатывал медик, жена стояла над ним, причитая вполголоса, покачиваясь из стороны в сторону.

– Да прекрати ты, баба, – одернул её Фома, но беззлобно, со стыдливой нежностью в голосе. – И из этого подыдемся. Не реви. Всё одолеем. Верно тебе говорю.

А подошедшему Семенову сказал:

– Ну что, командир, надо меня кулачить? Меня чуть не убили, дочу ранили, дом сожгли... Раскулачивай до конца!

– Ладно, не плачь! – грубо ответил Семенов. – Это не тебя – меня кончить хотели!

– Ну, а я-то при чем? Семья моя при чем? Дом мой?

– Заладил: мой, мой, мой... У меня вообще ни семьи, ни дома! Даже жизнь принадлежит революции! Завтра ребята дом отремонтируют, я тебе провиант выделю, лекарства из полка привезу, поставим вас с Тамарой на ноги!

Поймав ненавидящий взгляд жены Фомы, Семенов замолчал и отошел. Надо было разбираться с последствиями налета.

Часовые, охранявшие штаб, заколоты точными ударами под лопатку. Это почерк опытных диверсантов. Возле дома нашли гильзы от кольта. Застреленный Семеновым налетчик – человек средних лет, с остриженной наголо головой и небольшим рваным шрамом на правом предплечье, одет в белогвардейскую форму со споротыми знаками отличия.

– Нужно провести опознание, – предложил Коломиец. – Вдруг кто признает...

Труп выставили на улицу, но это ни к чему не привело: ни бойцам «Беспощадного», ни местным жителям застреленный знаком не был.

– Рожа не крестьянская, – высказывали предположения бойцы из бывалых. – И шрам старый. Вояка, не иначе.

– Беяки подослали, к бабке не ходи.

– Да могут и бандиты быть. Их тут по лесам шлындает без меры. Дезертиры, уголовники и прочая пакость...

Последние из отправившихся в погоню бойцов вернулись на рассвете с пустыми руками.

– Не иначе, кто-то с ними был, кто места здешние знает, – поделился мыслями старший, командир второго взвода Супрунов. – Куда-то они нырнули по-хитрому. Или где-то путь срезали.

Семенов приказал ещё раз неспеша прочесать окрестности. Он не верил в нападение белых, да и у бандитов не могло быть редких на фронте кольтов. И потом, зачем им убивать командира эскадрона? Нет, за всем происшедшим виделся другой след... Перед глазами стояла исполненная пьяной злобы физиономия Клюквина. Но никаких доказательств его причастности к нападению не имелось.

Днем прискакали из полка – Горюнов с двумя помощниками: все в черных кожанках, фуражках, с маузерами и прожигающими всех насквозь глазами.

Они и опознали убитого.

– Петр Воронин это, прозвище Челюсть! – мельком глянув, сказал чекист. – В Волчьей сотне у Шкуро был начальником разведки, головорез каких мало! Потом его свои же расстрелять хотели, он и ушел в бандиты. Они, паскуды, по зажиточным хуторам шастали и целые семьи вырезали! И вон где оказался... Ты его?

– Я, – кивнул Семенов.

– А не знаешь, чего он к тебе пришел? – остро глянул Горюнов. – У тебя же поживиться нечем!

– Не знаю, – пожал плечами комэск. Пьяная рожа Клюквина как-то не совмещалась с убитым белобандитом.

– Ну и ладно, – махнул рукой Горюнов. – Что заслужил, то и получил!

* * *

Отдых затягивался, и это было непривычно. Семенов в очередной раз проснулся на рассвете и с удовольствием вслушался в спокойное деревенское утро. Ни топота, ни лязга. Только ведра легонько стукнули ручками, полилась в умывальник вода. Босые женские ноги быстро, но негромко прошлепали по дому и замолкли за скрипнувшей дверью во двор. Под окном щётка ординарца размеренно летала по сапожному голенищу. Где-то в отдалении весело перекрикивались несколько хриплых мужчин. Стены крашены в нежно-голубой цвет. Удобная кровать.

Хорошо. Спокойно.

Свой, отвоёванный мир, простирался далеко, насколько хватало слуха.

Решил побаловать себя немного, поваляться без дела.

Как у любого, вышедшего из крестьян, к безделью у Семенова отношение было двойное. Безделье неурочное – подчинённых или своё собственное, нагоняло на него беспокойство и раздражение. Немедленно находилось занятие, спасающее от этой напасти. Безделье же, к примеру, вечернее, узаконенное – что крестьянским, что воинским укладом – напротив, заявляло о своевременном завершении всех дневных дел и причислялось, таким образом, к признакам жизни правильной, справной. А потому наполняло радостью. Утреннее ничегонеделанье на подушке, как ни крути, правильным не назовёшь. Простительно больному. Или ребёнку. В детстве – коротком крестьянском детстве, Ваня Семенов любил вот так проснуться и обнаружить, что вокруг никакой суеты, он лежит на печи, потягивается – и можно будет встать неспеша, неспеша одеться, и никто не будет подгонять, грозить подзатыльником. Особенно приятно было проснуться от какого-нибудь запаха. К примеру, дедовой махорки, или утренней каши – если уж совсем разоспался и мать уже приготовила завтрак.

«Интересно, – успел он подумать. – При коммунизме будут спать вдоволь? За весь, стало быть, предыдущий недосып?».

Но тут течение его мыслей, в состоянии праздности привычно свернувшее к светлому будущему, прервал гулкий стук копыт со стороны околицы. Всадник гнал вольсю. Комэск сел на кровати, стараясь определить направление. К нему. Вот уже подлетает к сгоревшему забору. Семенов вскочил на ноги и принялся одеваться быстро, как по тревоге. Сунул ноги в галифе, подёрнул тугие на икрах штанины. Занырнул одним движением в гимнастерку. «Вот тебе и неурочное безделье. Вот и тебе и урок: либо порядок, либо суета». Лукин уже стоял в дверях с начищенными сапогами. Поставил их перед кроватью, обронил сдержанным шёпотом:

– Из штаба полка. Нарочный.

Портянка, правый сапог. Портянка, левый сапог. Начищенными они лучше не стали, только недотёртый гуталин мазал пальцы. Застегнул широкий ремень, перекинул крест-накрест ремни шашки и маузера, надел фуражку и, дав себе секунду сосредоточиться, вышел на крыльцо.

Нарочный был тот же, что в прошлый раз – рядовой штабного взвода Юрьев. Из городских, с цепкими умными глазами на узком лице. Комэск поискал в его руках пакет и не нашёл. «Мелочь какая-нибудь, – предположил он. – Раз письменного приказа не прислали».

– Товарищ командир эскадрона, – по-штабному отработанно: одновременно сдержанно и немного залихватски, отдал честь Юрьев.

– Вас вызывают в штаб. Приказано как можно скорей.

Семенов неспешно козырнул в ответ, в задумчивости поправил шашку. Не угадал. Хотя и на словах, а не мелочь. В штаб за всё время, что воевал, Семенова вызывали дважды: когда назначили командовать «Беспощадным» и перед ставропольским наступлением.

Он нашёл глазами Лукина, стоявшего у распахнутой входной двери:

– Седлай. Умоюсь пока.

– Там мясо осталось, – выходя, ординарец кивнул в сторону стола. – В чугушке, под тулупом.

Семенов завтракать не стал. Не запихиваться же наскоро при нарочном, а за стол не сядешь: приказано как можно скорей и это будет жест недисциплинированности, а может, даже и пренебрежения! Шагнул обратно, взял с сундука потертую кожанку – на скаку ветерок усиливается и теряет освежающую ласковость, продувает насквозь.

– Пока не вернусь, за старшего Маслик, – кинул он ординарцу, вскакивая в седло с крыльца и нащупывая носками стремяна. – Да передай ему: прозевает мародёрство или ещё что, спрошу с него лично.

Глава 3

Особое задание

За околицей Юрьев взял левой, вверх по незасеянному пологому склону, уходившему от овсяного поля в сторону реки.

– Дорога до второй версты конницей потоптана вдрызг, – крикнул, обернувшись. – Обо-гнём, быстрее будет.

– Давай, я за тобой, – ответил Семенов, пуская Чалого вслед крупному гнедому штабиста.

Кони по узкой пешей тропке, светлеющей в плотной июльской траве, пошли умеренным галопом. От открывшейся за селом реки потянуло сыростью. Вдалеке, на излучине, белели голыми телами купающиеся бабы. Отправились с утра пораньше, пока расквартировавшийся эскадрон завтракает и занимается нехитрым воинским хозяйством – дочищает и починаят то, что не дочистил и не починил с вечера.

Комэск прислушался к себе. Он волновался. За долгую череду боёв и сложных переходов – часто вслепую, без разведки, нахрапом и на авось, он отвык волноваться – и теперь не мог понять, как относиться к охватившему его тремору. К праздничной приподнятости (в штаб едет – туда, где вершатся судьбы тысяч и тысяч людей, по какую бы сторону гражданской они ни оказались), примешивался холодок настороженности (чем обернётся?). Никакого проступка комэск за собой не знал. Что вовсе не отменяло риска получить взыскание или услышать неприятные вопросы от старших товарищей – мало ли, он видит со своей колокольни, они со своей. «На всё воля революции», – напомнил себе Семенов собственную присказку и потрепал по холке Чалого – ничего, дружище, живы будем не помрём.

Кто-нибудь пожиже и малоопытный, постарался бы выпытать у нарочного, что да как, зачем вызывают. Но Семенов строго соблюдал все нюансы неписанного командирского этикета, усвоенного им легко и быстро – в том числе и этот: нарочного ни о чём не расспрашивай. Себе дороже. Толковый нарочный не скажет, даже если знает, а бестолковый сам присочинит, потом почешет репу и о тебе же наплетёт, так, на всякий случай – мол, интересовался, выпрашивал.

До железнодорожной станции, в вокзале которой располагалось командование полка, добрались быстро. И сразу нахлынул нервный штабной круговорот, отвлёк от собственных мыслей. Возле паровоза комиссар ругался с машинистом. Комиссар горячий да горланистый, видно, что не обоевался пока, не накричался попусту. Хватается за кобуру, грозит трибуналом, но машинист не из робкого десятка – стоит себе, слушает, выжидает, когда слово можно будет вставить. Отделение красноармейцев пробежало куда-то. Конвойные по всей строгости, с пристёгнутыми штыками, вывели из станционного здания двух белогвардейцев – уже без кителей, босых. На расстрел, видимо. Тут же бабка с большущей корзиной, укрытой срезанными откуда-то кружевами, предлагает сало в обмен на хлеб.

С начала мая, когда штаб сменил дислокацию и перебрался поближе к линии фронта, помещения вокзала успели провоняться горьким духом махорки, гуталина, да зарастить бумагами под завязку. Стопки донесений и приказов в шкафу и на нем, на столе, на подоконнике, на полках. Склонив над столом округлую, аккуратно подбриту по краям плешь, пожилой картографист пыхтел над оперативной картой – менял линию фронта по выписанным на отдельный листок вечерним сводкам. Где-то там, одной строкой, и итог давешних трудов «Беспощадного» – отбитая с марша Сосновка. Комэск прошел в кабинет начальника вокзала, часовые пропустили его беспрепятственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.